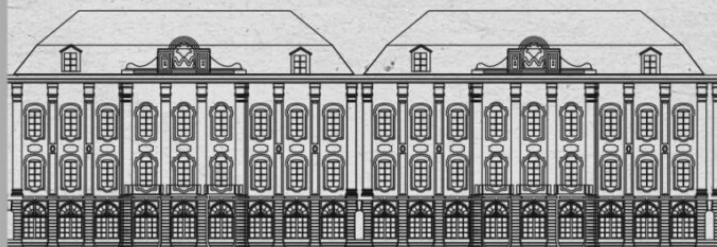

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Т. П. ЗНАМЕРОВСКАЯ

ТОЛЬКО О ЛИЧНОМ

*Страницы из юношеского дневника
Лирика*

Татьяна Знамеровская

**Только о личном. Страницы из
юношеского дневника. Лирика**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

1977, 2023

УДК 82-(94+14)
ББК 84(2Рос=Рус)6

Знамеровская Т. П.

Только о личном. Страницы из юношеского дневника. Лирика /
Т. П. Знамеровская — «Санкт-Петербургский государственный
университет», 1977, 2023

ISBN 978-5-288-06321-3

Первое издание вышло в 2021 году при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Книга продолжает публикацию рукописей крупного отечественного искусствоведа Т. П. Знамеровской (1912-1977), содержит дневниковые записи 1928-1931 гг. о жизни в Детском Селе, где Т. П. Знамеровская окончила школу, об учебе в горном институте, сначала днепропетровском, а затем ленинградском, о ее друзьях, одноклассниках и однокурсниках, о большом чувстве к будущему мужу П. С. Чахурскому (1910-1975), а также стихи из цикла «Любовь», в которые выливались наиболее яркие впечатления ее жизни. Дневник написан живым, образным языком и отличается высокой художественностью. Стихи являются замечательными образцами русской лирической поэтической традиции XIX-XX вв. Книга может быть интересна искусствоведам как материал к биографии Т. П. Знамеровской, историкам — как ценный источник по отечественной истории первой половины XX в. и всем интересующимся отечественной мемуарной литературой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-(94+14)
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-288-06321-3

© Знамеровская Т. П., 1977, 2023

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 1977,
2023

Содержание

А. В. Морозова	7
Только о личном	11
[1928 год]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Петровна Знамеровская Только о личном: Страницы из юношеского дневника. Лирика

Татьяна Петровна Знамеровская и Павел Сигизмундович Чахурский. 1935 г.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

© А. В. Морозова, сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатель, 2021

А. В. Морозова

Искусствовед Татьяна Петровна Знамеровская: личность и судьба

Татьяна Петровна Знамеровская (1912–1977)¹, доктор искусствоведения, ученый, без чьих трудов немислимы отечественные искусствоведческие испанистика и итальянистика², была очень яркой личностью и человеком необычной судьбы. В 2022 г. исполнится 110 лет со дня ее рождения. Она работала доцентом на кафедре истории искусства исторического факультета ЛГУ (ныне Институт истории СПбГУ). Искусствоведы ее чтут и помнят. Перед уходом из жизни Т. П. Знамеровская сдала свой архив на хранение в Ленинградское отделение ЦГАЛИ и в рукописный фонд РНБ, «закрыв» его для публикации на разные сроки. В 2002 г. открылась возможность издания части архива, «закрытой» на 25 лет, и многое, несомненно, заслуживает быть опубликованным.

Предлагаемая книга является серийным изданием («Научно-популярная серия РФФИ»), следующим за изданной в 2020 г. Издательством Санкт-Петербургского университета при поддержке РФФИ (проект № 20-19-40009 д_нпи) книгой Т. П. Знамеровской «Воспоминания. Лирика (Любовь и жизнь. Стихи)» (сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатели А. В. Морозовой). В новой книге в дневниковой форме описываются годы жизни Т. П. Знамеровской, следующие за представленными в изданной книге детскими и отроческими годами, публикуется новая подборка стихов.

Многие «действующие» в дневнике лица были охарактеризованы автором в выпущенной книге: родственники Знамеровской, друзья детства, некоторые сослуживцы отца, семья Абрамовых, взявшая к себе Таню после отъезда ее родителей и брата на место нового назначения папы в Днепрпетровск, их гости и некоторые школьные друзья из Детского Села. В дневнике автор не считает нужным описывать их заново – эти люди хорошо ей знакомы.

В отличие от предыдущей книги, теперь перед читателем не воспоминания о годах детства и юности, написанные взрослым человеком, стоящим на пороге небытия. Перед нами юношеский дневник автора, охватывающий 1928–1931 гг. В начале повествования Знамеровской исполняется шестнадцать лет, в конце – девятнадцать. В начале автор учится в последних классах школы, в конце – на втором курсе института. По существу, она еще совсем девочка. И веришь, когда читаешь в дневнике о том, что с короткой стрижкой в мужском костюме ее часто принимали за мальчика. Физиологически фигура ее еще не совсем оформилась, в ней еще было много детского, незрелого.

При этом литературный стиль изложения в дневнике очень близок к стилю воспоминаний. Он уже сложился, отточен многолетней практикой ведения дневников, систематическим чтением хорошей художественной литературы.

¹ О биографии и научном пути Т. П. Знамеровской см.: Морозова А. В. Искусствовед Татьяна Петровна Знамеровская: формирование личности // Знамеровская Т. П. Воспоминания. Лирика (Любовь и жизнь. Стихи) / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатели А. В. Морозовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 6–36 (издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-40009); о детстве Т. П. Знамеровской см. также: Знамеровская Т. П. Любовь и жизнь: (Автобиографический очерк). Ч. 1 // Там же. С. 43–169.

² Памяти Т. П. Знамеровской посвящены: Итальянский сборник / под ред. В. В. Селиванова. СПб.: Акционер и Ко, 2007. № 10 (и статья в нем: Селиванов В. В., Мартыненко В. П., Сошина Т. В. Памяти Т. П. Знамеровской // Там же. С. 235–246); Калитина Н. Н., Морозова А. В. Традиция изучения истории искусства Испании старого времени на кафедре истории западноевропейского искусства // Университетский историк: Альманах. 2012. Вып. 11. С. 4–7. В целом о научном творчестве Т. П. Знамеровской как испаниста см.: Морозова А. В. Испанская тема в исследованиях Т. П. Знамеровской и Е. О. Вагановой // Iberica: К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб.: Наука, 2005. С. 226–234.

Поражает и душевная и духовная зрелость автора. Основные этические, поведенческие принципы, которых она будет придерживаться на протяжении всей жизни, уже выработаны ею и осознанно приняты. Жизненные цели сформировались. Свои позиции она умеет формулировать и готова отстаивать в спорах, даже если это споры с любимыми и уважаемыми ею людьми и противостояние им грозит охлаждением и даже отчуждением с их стороны. Как личность она уже существует, и ее яркость и цельность притягивают к себе окружающих. Но сама она не занята самокопанием или самолюбованием, ее глубоко интересует окружающее.

Как никто она умеет понять и оценить красоту природы, благо жизнь ее в описываемые ею в дневнике годы протекала сначала в окружении парков Детского Села (в настоящее время г. Пушкин, до революции Царское Село), потом на фоне панорамы Днепра, гор Крыма, невских берегов. Она тонко чувствует красоту искусства и архитектуры, всем сердцем полюбив построенное в ретроспективном псевдоренессансном стиле здание бывшей мужской Николаевской гимназии Царского Села, после революции превращенной в 1-ю единую трудовую школу Детского Села. Она без усталости ходит по горным тропам Крыма, наслаждаясь его природными и архитектурными памятниками. В знаменитом «Ласточкином гнезде» в Алушке открыт читальный зал, откуда Таня любуется красочно описываемой ею картиной моря. Она всем сердцем прикипела к Ленинграду, с которым отныне навсегда связала свою судьбу.

Этот дневник повествует о зарождении и развитии ее любви к будущему мужу Павлу Сигизмундовичу Чахурскому. О том, как она боролась за свое счастье, преодолевала препятствия, мирилась с трудностями. Как, однажды полюбив, готова была терпеливо переносить непростой характер возлюбленного. И хотя в дневнике рассказано лишь о начале жизненного пути, понимаешь, что это такая Любовь, которую автор сумеет пронести, не загасив, через всю жизнь. Любовь, расцветшая на восхищении красотой и богатством личностей друг друга! Любовь, построенная на полной свободе и равноправии двух людей, соединивших свои судьбы, и при этом построенная «навсегда». Любовь, закаленная трудностями и испытаниями, выпавшими на ее долю уже у ее истоков.

Конечно, в дневнике много записей о П. С. Чахурском, описаний его манер, его характера, черт его лица, его поступков, его жизни, его радостей и горестей, его слов... Но даже «Павлуша» не заслоняет от Тани всех остальных друзей.

В центре ее внимания именно люди! Она внимательно вглядывается в каждого. Узнает его биографию, его пристрастия и увлечения. Все описаны очень красочно, выпукло, живо. Автор буквально любит каждого из встреченных ею людей. Для нее имеют значение не социальные или имущественные критерии, не возраст, хотя, конечно, преимущество остается на стороне молодежи, не пол, хотя она и отдает предпочтение мужской дружбе перед женской, даже не степень образованности, начитанности, не уровень знаний, а высота моральных принципов и яркость и неповторимость личности. Она умеет внимательно слушать, запоминает поведенное ей, не скрывает своего восхищения людьми, даже если они происходят из совсем иной среды, чем она. Записывает любимые словечки друзей, их выражения, шутки, здравые и мудрые мысли, услышанные из уст товарищей.

В дневнике Знамеровской ярко охарактеризована детскосельская молодежь конца 1920-х # начала 1930-х годов. Складывается впечатление не только об отдельных ребятах, но в целом о той среде, в которой все они вращались. Они живут совсем по-другому, чем современная молодежь. Они много общаются, встречаются, вместе проводят время, играют в преферанс, танцуют дома под аккомпанемент фортепьяно, часто устраивают и посещают школьные вечера с представлениями, постановками, собственными выступлениями, ездят в Павловск и Ленинград на музыкальные концерты. Конечно, многие, и больше всего Павлуша, курят, иногда выпивают по бокалу вина. Но, главное, они живут напряженной духовной и душевной жизнью.

Часто это братья и сестры из семей, в которых традиционно много детей. И старшие члены семьи рады их гостям, они с ними сидят за столом, в курсе их интересов и увлечений.

Родственные узы необычайно сильны. Таню опекает в Детском Селе живущий в Ленинграде старший брат отца, «дядя Миша», в Москве ей рады другой папин брат «дядя Саша» и его сестра «тетя Тася», дочь «дяди Саши» Леля показывает Тане Москву. С «дядей Мишей» в Детское Село всегда приезжает Маруся, дочь старшей сестры папы, уже ушедшей к тому времени из жизни. Во время поездок в Ленинград Таня останавливается в семье старшей дочери Абрамовых Наташи...

Поражает атмосфера открытости, добросердечия, взаимопомощи и сочувствия. Слабых защищают и им помогают, встречают с поезда, провожают, несут чемоданы. В этой среде часто звучат насмешки, подтрунивания, но не случается предательств, товарищи умеют хранить тайны и уважать чужие чувства. Они умеют признаваться в любви и мужественно принимать отказы...

Понятно, что уже к началу 1930-х годов многое изменится и в Детском Селе. После закрытия в 1929 г. 1-й единой трудовой школы окажутся в административной ссылке многие старые преподаватели, в том числе мать П. С. Чахурского, учитель черчения Н. П. Чахурская, а также другие представители интеллигенции, например профессор, у которого «Павлуша» работал ассистентом. Но в годы, описанные Знамеровской, в Детском Селе еще сохраняется осколок дореволюционной культурной интеллектуальной элиты, которая существовала в Царском Селе.

Так же широко, общительно, гостеприимно, как и семья Абрамовых, живут и Знамеровские, и в украинских селах около военных лагерей, куда на лето выезжает полк отца, и в квартире в Днепропетровске. У них дома постоянно бывает кто-то из Таниных сокурсников по Днепропетровскому горному институту или кто-то из школьных товарищей ее брата Бориса. Они разговаривают, играют в настольный теннис, слушают музыку, пьют чай, обсуждают самые разные проблемы, расспрашивают друг друга о взглядах на жизнь... В широком кругу они отмечают семейные праздники. Эта культура общения в последующем во многом уйдет из нашей жизни. Сталинские репрессии 1930-х сыграют тут немалую роль, существенно ослабнет и сила родственных связей.

Перед нами встает талантливо написанная очевидцем и участником картина днепропетровского студенчества, с его горячностью, порою необузданностью, увлеченностью, молодым задором...

И, казалось бы, совершенно уникальная ситуация влюбленности друг в друга между Павлом Чахурским и Таней повторяется в несколько ином варианте в Днепропетровске. Возникает любовный треугольник, в котором Таня готова сделать выбор в пользу Жени Иейте, музыканта, человека, уже много пережившего, яркого, напоминающего ей немного «Павлушу». Танин интерес к людям и ее делает необычайно притягательной для них! К тому же сама Судьба благоволит Знамеровской. Отец получает новое назначение в Ленинград, и Таня вновь встречается с «Павлушей». Он делает ей предложение руки и сердца, она принимает это предложение, и их роман вступает в новую фазу своего развития, о которой Знамеровская пишет в своих следующих рукописях. Старые друзья, однако, не отринуты и не преданы забвению. Как когда-то Чахурский умел отказаться от предложенного ему сердечного дара, не затронув самолюбия Тани, так и Таня умеет даже отказом не обидеть и не унижить друга.

Удивительно, но основанный на реальных событиях дневник имеет при этом ясную, продуманную литературно-художественную композицию. В нем присутствует четкая симметрия. Он начинается с восхищения Тани Павлушей Чахурским и заканчивается этим восхищением, пройдя через испытание отверженностью. Он начинается с Детского Села и заканчиваются Детским Селом и Ленинградом, включив в свою середину Рудяково, Днепропетровск и Крым. Складывается ощущение, что не столько события затягивали автора в свой круговорот, сколько автор своей волей и талантом диктовала логику разворачивающимся событиям.

В издаваемой рукописи можно найти материалы для изучения истории советского школьного образования 1920–1930-х годов, для исследования особенностей постановки в те годы преподавания в Днепропетровском горном институте, поскольку автор достаточно подробно описывает как изучавшиеся предметы, так и многочисленные практики, воспоминания о которых запечатлелись в ее памяти на всю жизнь. Особенно прочувствованно в дневнике воспроизводится поход по Крымским горам с изучением их геологии, с жизнью практикантов без какого-либо комфорта, но в дружной компании увлеченных людей, исследующих свой предмет не только по книгам и учебникам, но и в живой природе, стирая ноги и до ссадин и синяков обдирая руки.

В предыдущем издании мы уже писали о поэтическом даре Знамеровской. В ее архивах хранятся сотни стихов. Для этой книги мы подобрали стихотворения, написанные юной Таней в годы, описанные в ее дневнике и примыкающие к ним. Проза позволяет лучше понять стихи, а стихи служат красочным аккомпанементом к прозе, раскрывая не только смысл происходящего, но и бушующие в душе поэтессы чувства и переживания.

На наш взгляд, книга обладает огромным воспитательным потенциалом для молодежи, рассказывая о подлинной любви, пронесенной через всю жизнь, уча уважению и вниманию к людям и ответственности за свою жизнь и свою судьбу.

Выражаем сердечную признательность за помощь и содействие в издании рукописи племяннице Т. П. Знамеровской – Наталии Борисовне Знамеровской, вдове хранившего доверенные ему автором рукописи преподавателя кафедры истории искусства Валентина Александровича Булкина – Татьяне Николаевне Лариной, в свою очередь передавшей эти рукописи нам для их опубликования, Т. Е. Сохор и В. Бередниковой за помощь в наборе текста и поддержку в деле издания рукописей Знамеровской, преподавателям обеих кафедр истории искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета за сочувствие и содействие, ученикам Знамеровской – за неподдельный интерес к ее творчеству! Моей семье – за терпение. Большое спасибо Издательству Санкт-Петербургского университета за бережное, любовное и внимательное отношение к тексту и неподдельное уважение к его автору – Татьяне Петровне Знамеровской!

Только о личном Страницы из юношеского дневника³

Так в высшем суждено совете...

То воля неба: я твоя...⁴

А. С. Пушкин

[1928 год]

Детское Село⁵

4 января. Накануне Нового года Мария Ивановна⁶ поехала в Ленинград⁷ за покупками и там заболела, и для встречи Нового года ничего не было приготовлено. Тогда Катя⁸ и Сережа Муравьев⁹ поехали в Ленинград, чтобы купить что-нибудь к встрече Нового года, и видели Марию Ивановну. Она с Михаилом Ефремовичем¹⁰ осталась там у знакомых, а Катя должна была хозяйничать дома¹¹. Я и Борис¹² ей помогали. Мы спекли сладкий пирог к чаю, накрыли празднично стол, мальчики принесли разных сладостей и вина. С нами были Миша¹³, Пав-

³ Архив В. А. Булкина; Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 1239. Д. 1: Юношеский дневник; Санкт-Петербургское отделение Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-122: Знамеровская Т. П. Оп. 1. Д. 26: Знамеровская Т. П. «Только о личном». Страницы из дневника. Рукопись подготовлена и отдана в архивы автором в 1976 г.

⁴ «Так в высшем <...> я твоя» – строки письма Татьяны Лариной Онегину из романа в стихах «Евгений Онегин» русского поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837); в оригинале: То в выснем суждено совете... То воля неба: я твоя...

⁵ **Детское Село** – до 1918 г. Царское Село, в 1808 г. получившее статус города, с 1937 г. – город Пушкин Ленинградской области, в честь русского поэта и писателя Александра Сергеевича Пушкина (1799–1937), который в 1811–1817 гг. учился в Царскосельском лицее.

⁶ **Мария Ивановна** – в замужестве Абрамова (ок. 1880-х – середина 1950-х), жена Михаила Ефремовича (Ефимовича, Афиногеновича, см. примеч. 7), мать Кати, Бори, Алеши, Наташи; Абрамовы и Знамеровские дружили семьями.

⁷ **Ленинград** – город основан в 1703 г. как Санкт-Петербург, в 1914 г. переименован в Петроград, в 1924 г. – в Ленинград в честь В. И. Ленина (1870–1924), в 1991 г. вернул себе историческое название. В 1712–1917 гг. столица Российской империи, в 1917–1918 гг. – Российской Советской Республики.

⁸ **Катя** – Екатерина Михайловна Абрамова, в замужестве Москвина (1912–1933), школьная подруга автора.

⁹ **Сережа Муравьев** – Сергей (ок. 1910 – не раньше конца 1970-х), школьный друг автора; впоследствии окончил педагогический институт, стал учителем математики, получил звание заслуженного учителя и почетного пенсионера.

¹⁰ **Михаил Ефремович** – Михаил Афиногенович Абрамов (1881–1937); видимо, домашние и друзья называли его Ефремовичем и Ефимовичем – автор в разных рукописях употребляет эти варианты отчества; друг семьи Знамеровских; заведовал планово-финансовым отделом Московской железной дороги; репрессирован (расстрелян). Данные об аресте и расстреле М. А. Абрамова в 1937 г. содержатся, например, в базах данных «Жертвы политических репрессий, расстрелянные и захороненные в Москве и Московской области в период с 1918 по 1953 г.», составленной Сахаровским центром, «Жертвы политического террора в СССР» (Москва, расстрельные списки – Донской крематорий). Однако в неопубликованных воспоминаниях Т. П. Знамеровской написано иное: «В весну 1931 года в доме Абрамовых было тоже тяжело. От рака умирал Михаил Афиногенович и умер, когда я уехала» (РНБ. Рукописный отдел. Ф. 1239. № 80: Любовь и жизнь. Часть 1. Продолжение: рукопись. С. 233; раздел, «закрытый» автором до 2050 г., цит. по экземпляру, хранящемуся у племянницы автора Н. Б. Знамеровской). Возможно, сведения о болезни и смерти М. А. Абрамова в 1931 г. Т. П. Знамеровская вписала в свои воспоминания и дневники постфактум, чтобы скрыть факт репрессии близкого человека.

¹¹ **...хозяйничать дома** – дом Абрамовых располагался на Конюшенной ул. (в 1918–1919 гг. – Театральная, в 1919–1923 гг. – Чаплыгина, в 1923–1993 г. – Первого Мая) Детского Села; не сохранился.

¹² **Борис** – Борис Михайлович Абрамов (1910–1970-е), детский друг автора, одноклассник П. С. Чахурского; впоследствии работал на Колыме.

¹³ **Миша** – Михаил Николаевич Москвин (1910–1933), школьный друг автора, будущий муж Е. М. Абрамовой.

луша¹⁴, Сережа и Борис Соколов¹⁵. Из дому я получила поздравительную телеграмму, и мне захотелось встретить Новый год со своими близкими. В 12 часов мы выпили вина и поздравили друг друга с разными пожеланиями. Потом решили погадать. Мы написали на бумажках имена мужские и женские и, смешав их, начали вытягивать по очереди трубочки из фуражки. Мне два раза вышел «Павел», а Мише – «Екатерина». Чтобы скрыть тайное волнение, меня охватившее, я смеялась над ними, а они надо мной и Павлушей. Танцевали, играли в фанты, жгли, гадая, бумагу, и вечер прошел весело. Павлуша издевался, что он мой жених и что напишет об этом папе и маме¹⁶. Странно, – почему-то это меня и смущало, и сердило, и вместе с тем доставляло удовольствие.

6 января. Вчера был вечер в 4-й школе, куда нас с Катей пригласили, но мне там не понравилось. Концерт самодеятельности был малоинтересный, да и вообще были незнакомые ученики и ученицы. Мне хотелось домой. Когда я стояла во время танцев, ко мне подошел мальчишка и, глядя на меня, сказал: «Можно вас поцеловать?» Это меня возмутило, и я резко ответила: «Много видела дураков, но такого вижу первый раз», – и ушла от него. А когда узнали об этом наши мальчишки, Боря и Миша, они жалели, что я им не рассказала на вечер. «Мы бы хорошо с ним посчитались», – сказал Миша.

¹⁴ **Павлуша** – Павел Сигизмундович Чахурский (21 марта 1910 – 27 августа 1975), школьный друг и будущий муж автора; после школы, не сумев из-за дворянского происхождения поступить в вуз, окончил геологические курсы и стал геологом; позже окончил Ленинградский горный институт; работал геологом практически всю жизнь, до выхода на пенсию в 1970 г. Его отец – Сигизмунд Юльевич Чахурский (1881 – не позже 1950), польский дворянин; в 1920-е годы по доверчивости оказался замешан в растрате, был осужден, после освобождения работал в Томске (жена и дети, Павел и Юлий, остались в Детском Селе, в 1920–1930-е годы жили в деревянном доме по адресу: ул. Ленина (до 1919 и после 1993 г. – Широкая), д. 6, кв. 7; дом не сохранился), дослужился до начальника паровозной службы технического отдела Южно-Уральской железной дороги; в 1931 г. был репрессирован как «враг народа», получил последовательно несколько сроков.

¹⁵ **Борис Соколов** – (1911–?), школьный друг автора; после школы работал зимовщиком на Диксоне, затем на метеостанции на Колыме; погиб в автокатастрофе с грузовиком на льдистой дороге.

¹⁶ **...напишет об этом папе и маме** – родители Т. П. Знамеровской: Мария Витальевна, урожд. Дегтярева (1891–1961), и Петр Иосифович (1888–1959), офицер-артиллерист, в 1926–1927 гг. учился на Высших годовых курсах усовершенствования командного состава артиллерии (АКУКС) в Детском Селе, в 1927 г. назначен командиром полка на Украину, в Днепропетровск, в 1931 г. переведен начальником штаба в 1-ю артиллерийскую школу в Ленинград.

Ил. 1. Михаил Николаевич Москвин. В альбоме подпись рукой Т. П. Знамеровской: «Миша Москвин, изображающий хулигана. Ленинград. 1931 г.»

По воскресеньям мы часто ходим гулять в парк, там катаемся на финках¹⁷ с кем-нибудь из мальчиков нашего класса и на салазках¹⁸ с гор. Парк в снежном уборе бывает очень красив. Один раз, идя с Катей, мы встретили компанию мальчишек, и один из них хотел нас толкнуть, а другой ему крикнул: «Не тронь их, не знаешь, что ли, Мишу Москвина?» – и они прошли мимо. Одно имя Миши спасает нас от неприятности, и на его силу можно положиться вполне. С компанией товарищей Бори Абрамова я в хороших, дружеских отношениях, и, когда они приходят, мы с ними весело проводим время. По субботам обычно приходят Сережа Муравьев, Миша, Леша Гоерц¹⁹, Павлуша, Адичка Силевич²⁰ и Костя Барышев²¹.

¹⁷ **Финки** – финские санки с длинными полозьями и высокой спинкой.

¹⁸ **Салазки** – небольшие санки с бортиками.

¹⁹ **Леша Гоерц** – Алексей Алексеевич (1911 – не позже 1944), школьный друг автора, сын офицера-артиллериста, преподавателя АКУКСа Гоерца Алексея Александровича (1883–?); умер в блокадном Ленинграде. В воспоминаниях «Любовь и

Миша Москвин – голубоглазый, сильный, прямой, и с ним всегда себя чувствуешь хорошо и свободно. Говорит он очень быстро, как трещотка, страшно любит свое черчение, и, если на столе увидит чистый лист бумаги, начинает чертить какие-нибудь насосы. Может также без конца выдумывать разные необыкновенные происшествия в трамвае и на улице. Мы с Катей без церемонии его останавливаем. Иногда, но это бывает редко и быстро проходит, он бывает мрачен, молчалив, и тогда из него не вытянешь слова: мы, конечно, в таких случаях подсмеиваемся над ним. Но над кем и над чем мы не смеемся! Миша (*ил. 1*) два года как неравнодушен к Кате (*ил. 2*), и об этом все знают. В своем чувстве к ней он очень постоянен, и на его верность, как и на его силу, можно положиться. Катя привыкла к его всегдашнему обожанию, это льстит ее самолюбию, и она по-своему, по-детски, привязана к нему. В доме Абрамовых он считается своим, и, если что-нибудь нужно купить или исправить, все поручается Мише и он исполняет. Миша похож на сильного, добродушного медведя.

жизнь. Часть 1», писавшихся автором в конце жизни, ошибочно названевой.

²⁰ **Адичка Силевич** – (ок. 1910 – не раньше 1970-х), школьный друг автора.

²¹ **Костя Барышев** – Константин (1910–?), школьный друг автора, происходил из семьи чиновника.

Ил. 2. Екатерина Михайловна Абрамова. В альбоме подпись рукой Т. П. Знамеровской: «Катя Абрамова. Ленинград. 1931 г.»

Павлуша очень высокий (его называют «Длинный Польш»), интересный, с правильными чертами лица, темными, вьющимися волосами, тонкими музыкальными руками, с насмешкой на губах, умный и остроумный, всем интересуется, начиная с музыки, хорошо играет сам, и всегда, владея собой, прячет свои чувства под холодноватой насмешкой. Со всеми он себя держит ровно и никогда не показывает то, что хочет скрыть от других. Мне кажется, что он похож на Онегина²². Он интересуется меня больше всех. Но из нас двоих он больше внимания оказывает Кате.

Боря Абрамов способный, но по характеру вялый, медлительный, молчаливый. Внешне он интересный, похож на Катю. Но слишком мягкий и, видимо, слабохарактерный. Раньше он не танцевал и даже подсмеивался над танцами, но теперь научился танцевать, и на всех вече-

²² **Онегин** – заглавный герой романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1830) А. С. Пушкина.

рах танцует только со мной. Когда-то ему нравилась Жанна Муева²³. Она училась в балетной школе, живет в Ленинграде. Но это увлечение его для всех было втайне. Теперь он, который никогда ни с одной девочкой не ходил под руку, всегда окружает меня своим вниманием и охотно исполняет все мои просьбы. Впрочем, это, может быть, надо приписать нашим дружеским отношениям.

Костя Барышев, серьезный, развитой, умный, хорошо воспитанный мальчик, но при всех качествах ему много не хватает. Он слишком педантичен, слишком большой формалист, помешан на приличиях, и мы с Катей подсмеиваемся над ним, называя его «цирлик-манирлик». Он не танцует, в играх неинтересен.

Сережа Муравьев умен, с ним можно о многом говорить, он начитан, проницателен и интересен по наружности. Взгляд его черных глаз, острый, слегка колющий, заставляет невольно опускать глаза, и многие наши школьные девочки втайне восхищаются и боятся взгляда его глаз. Но я не боюсь его проницательных глаз, ограждая себя завесой насмешливости: в смеющихся глазах труднее что-либо прочесть. Он хорошо декламирует, играет в драмкружке, очень увлекающийся, в своих увлечениях он непостоянен. Летом ему нравилась Катя, но теперь это прошло. Он все время старается узнать, кто нравится мне, и решил, что Саша Голубенков²⁴, но, когда я написала про всех стихи и воспела красоту глаз и лица Саши, он сказал, что он ошибся, потому что я никогда не написала бы ничего хорошего о том, кто мне нравится, и решил, что или Боря, или Павлуша.

Самый большой друг Сережи – Леша Гоерц. Он неглупый, хорошо декламирует, но еще лучше танцует. Он много занимается спортом и поэтому хорошо сложен, его движения пластичны. Леша заметно ухаживает за мной, над этим подсмеиваются, но я не думаю, что я ему нравлюсь.

Витя Чемыхала²⁵ – товарищ Бори, но мы с Катей знакомы с ним недавно. С ним связана трагическая история. Год тому назад, случайно, перед школьным вечером, он взял револьвер, который был нужен для спектакля, и, нацелившись в товарища, спустил курок и убил его. Говорят, что этот случай он очень тяжело пережил и долго был болен. По наружности он интересный блондин, живой по характеру, и с ним не бывает скучно; к тому же он неплохо поет.

Саша Голубенков самый красивый. Он сильный, крепкий, несколько грубоватый брюнет, прекрасно танцует.

Адичка Силевич легкомысленный, беспечный баловень своих родителей, сияющий улыбками. Он большой фронт, всегда одет и причесан по моде, увлекающийся, легко скользящий по жизни. Учится в Политехникуме, но совсем не занимается и имеет много хвостов.

Я описала всех. Теперь скажу несколько слов о младшем брате Кати – Алеше²⁶. Это живой по характеру, способный мальчик, на год моложе нашего Бори²⁷, но то, что он растет среди больших, его портит. Над ним нет хорошего руководства, и он предоставлен сам себе. И даже то, что он красивый, ему вредит. Ко мне он привязан, называет меня своей невестой и терпеть не может Лешу Гоерца. Он страшно любит целоваться, с Катей все время ссорится, больше всех боится старшего брата Борю и отца, от которых ему попадает. К тому же у него плохой характер, и много в нем плохого. С Катей мы живем хорошо, она привязчивая, ласковая, живая, веселая, хорошенькая девочка, любящая свой успех.

15 января. Вчера мне исполнилось 16 лет. Первый год я этот день встречала не дома. Этот день для меня был особенный, праздничный и радостный, первый день моей юности. От

²³ Жанна Муева – (ок. 1910–?), школьная знакомая автора.

²⁴ Саша Голубенков – Александр (1910–1970–1980-е), соученик П. С. Чахурского; впоследствии работал в автопарке.

²⁵ Витя Чемыхала – Виктор (ок. 1910–?), друг Б. М. Абрамова.

²⁶ Алеша – Алексей Михайлович Абрамов (1915–1980-е), младший сын в семье Абрамовых, детский друг автора.

²⁷ Боря – Борис Петрович Знамеровский (1915–1982), младший брат автора; впоследствии военный инженер-кораблестроитель.

мамы, папы и Бори я получила телеграмму сегодня утром поздравительную, а раньше они мне прислали деньги на празднование этого дня. Мама в письме писала, что в этот день, радостный для меня, они будут со мной, а когда я приеду к ним, они еще раз отпразднуют мое рождение, приготовив дома мне подарки.

В этот день я с Катей в школу не пошла, и мы с ней купили к чаю вина и сладостей, а когда вернулись домой, то в нашей комнате на столе стояла большая корзина белых хризантем. Это был подарок от всех Абрамовых. Я даже от неожиданности растерялась. Ко мне подошла Мария Ивановна и, целуя меня, сказала: «Я хочу, Танюша, чтобы жизнь твоя была усыпана такими же белыми, чистыми и радостными цветами, как эти хризантемы».

Ил. 3. Михаил Иосифович Знамеровский. До 1912 г. Санкт-Петербург

В этот день Мария Ивановна напекла много вкусных вещей к обеду и чаю, а Боря помогал ей по хозяйству и исполнял все мои просьбы и желания. К вечеру приехали дядя Миша²⁸

²⁸ **Дядя Миша** – Михаил Иосифович Знамеровский (1891–1939), брат отца автора; в 1920–1930-е годы главный инженер завода «Пирометр» в Ленинграде, позже заместитель начальника технического отдела бюро комплектации Наркомата обо-

(ил. 3, 4), Маруся²⁹ и Маня³⁰. Маруся подарила мне билет в Мариинский³¹ на балет «Спящая красавица»³², дядя Миша – коробку шоколадных конфет и 25 руб. на театр. Вскоре пришли Миша, Павлуша, Костя, Саша, Сережа, Леша и Адичка. Они принесли торты, конфеты и вино. Было бы весело, если бы... Как странно и страшно мне признаться себе в этом... Если бы не то, что Павлуша не протанцевал со мной ни одного танца. Из-за этого вдруг все потеряло для меня краски, прелесть, радость. А потом мне снилось ночью, что я танцую с ним и испытываю от этого странное, головокружительное наслаждение.

Ил. 4. Михаил Иосифович, Петр Иосифович и Татьяна Петровна Знамеровские, Павел Сигизмундович Чахурский (слева направо). Под фотографией подпись рукой Т. П. Знамеровской: «Дядя Миша, папа, я, Павлуша. Ленинград. 1932»

Я проснулась в волнении, которое тоже было для меня незнакомым. Неужели я влюбилась и должно сказать себе об этом? Но к чему же себя обманывать? Я никогда не испытывала ничего подобного – и сладкого, и мучительного, и пугающего.

18 января. На днях в нашей школе был вечер, на котором я танцевала «восточный» танец. Пока я сидела в учительской, ожидая выхода, пришел наш заведующий школой Алексей Михайлович³³ и, глядя на меня, начал шутить, что я в этом костюме похожа на красивую неве-

ронной промышленности СССР; арестован в 1938 г., репрессирован (расстрелян).

²⁹ **Маруся** – Мария Генералова, двоюродная сестра автора, дочь старшей, уже к описываемому времени умершей сестры дяди Миши и отца автора – Татьяны Иосифовны, урожд. Знамеровской; в описываемые годы жила в Ленинграде, позже – в Москве, работала на ювелирной фабрике бухгалтером.

³⁰ **Маня** – видимо, родственница или подруга Марии Генераловой.

³¹ **Мариинский** – музыкальный Большой театр в Санкт-Петербурге, чья история начинается в XVIII в., был назван Мариинским в 1859 г. в честь супруги императора Александра II Марии Александровны. В 1920 г. получил официальное название Государственный академический театр оперы и балета (в 1935 г. ему присвоено имя С. М. Кирова). Однако театр все равно называли в народе Мариинским; в 1992 г. название вновь стало официальным – ныне это Государственный академический Мариинский театр.

³² «Спящая красавица» – балет по одноименной сказке Ш. Перро, композитор П. И. Чайковский, либретто И. Всеволодского и М. Петипа, премьера состоялась в 1890 г. в Мариинском театре.

³³ **Алексей Михайлович** – Малоземов (1877 – после 1930), в Николаевской Царскосельской гимназии преподавал рус-

сту и что мне недостает только хорошего жениха. Когда я бежала по коридору переодеваться, я встретила Борю, Павлушу, Сашу, они пришли смотреть, как я танцую, но опоздали. Начались танцы, я заметила, что у них у всех возбужденный вид, а у Бори очень странная походка. Оказалось, как мне сказал Павлуша, они получили деньги за уроки, купили бутылку коньяку и выпили. Саша и Павлуша были навеселе, а Боря, почувствовав себя плохо, ушел с вечера. На вечеру я избегала быть с Павлушей и Сашей и больше танцевала с мальчиками нашего класса. Пирогов³⁴ в этот вечер не отходил от меня. Руперт³⁵ и Толя³⁶ подсмеивались над ним, что он равнодушен ко мне, а он смущался и краснел.

Когда ко мне подошел Сережа, мы с ним после танца долго гуляли, говоря о стихах, об искусстве, поэзии, и, забыв про танцы, сидели на окне. К нам присоединился и Леша Гоерц. Катя тоже много танцевала с нашими мальчиками и больше всех с Толей Лапшиным, пока его место не занял Миша.

Когда мы вернулись домой, нам дверь открыла Мария Ивановна и сказала, что Боря домой пришел без пальто и шапки, на все вопросы отвечая бессвязно, и лег спать. Мария Ивановна очень взволнована была и с Сережей и Мишей, которые нас провожали, пошла в школу, чтобы узнать у уборщицы: не оставил ли он свое пальто на вешалке? Оказалось – нет. Домой она вернулась с Павлушей, и он начал будить Борю, расспрашивая его, куда он мог девать свои вещи, но на все вопросы тот отвечал, что пришел в пальто. Утром оказалось, что он зашел в соседнюю квартиру, снял там шапку и пальто и ушел. Домработница позднее все принесла. Несколько дней Боря ходил смущенный, сконфуженный, а мы подсмеивались над ним.

25 января. Сегодня день моих именин, но я решила их не праздновать и очень была удивлена и тронута, когда к обеду и чаю Мария Ивановна спекла вкусные пироги, и все меня поздравляли, пожелав самого лучшего в жизни. На столе лежали письма из дома, ласковые и заботливые. Хотя я никого не звала в этот день, но многие знали, что я именинница, и пришли меня поздравить. Были Миша, Павлуша, принесший мне большой торт, Костя, Сережа, Саша, Ваня Заурбрей³⁷ и подруга Кати – Нюра Маслова, хорошенькая, легкомысленно-глупая девочка. Мы играли в фанты и даже с поцелуями, но больше танцевали. Вечер прошел оживленно, весело. Павлуша играл разные фокстроты, вальсы и, как всегда подсмеиваясь, острил над всеми. Ложась спать, я думала о том, что я скоро поеду домой, даже заранее написала Леле³⁸ в Москву письмо, что в начале февраля собираюсь ехать домой на зимние каникулы, и просила ее встретить меня, помочь ехать дальше, так как Москву я совсем не знаю. О своем отъезде я извещу телеграммой.

30 января. Это время не писала по многим причинам. Собиралась ехать домой, и мои вещи были уложены, но неожиданно заболела, очевидно, простудилась, сидя в классе при открытой форточке. Наши мальчики нажгли серы в классе, и Ада Филипповна³⁹ открыла форточки. Пришлось домой и в Москву послать телеграммы, что выеду позднее. Мария Ивановна очень заботилась обо мне, вызывала врача, была со мной ласкова, и я дала ей слово, как и маме, что буду беречься. Во время моей болезни приходил Сережа и развлекал нас с Катей

ский язык; с 1922 г. директор детскосельской 1-й единой трудовой школы.

³⁴ **Пирогов** – Николай (1912 – не раньше 1970-х), одноклассник автора; впоследствии главный инженер Балтийского завода в Ленинграде.

³⁵ **Руперт** – Леонид (1912 – не раньше 1970-х), одноклассник автора; впоследствии преподаватель Воздушной военной академии.

³⁶ **Толя** – Анатолий Лапшин (1912 – не раньше 1970-х), одноклассник автора; впоследствии доцент технического вуза.

³⁷ **Ваня Заурбрей** – Иван (ок. 1910–?), школьный друг автора; умер от туберкулеза; его сестра Катя Заурбрей погибла от голода в блокаду.

³⁸ **Леля** – Ольга Александровна Знамеровская, в замужестве Баулина (1904–1972), двоюродная сестра автора, дочь Знамеровских Александра Иосифовича (1877–1935) и Елизаветы Сергеевны (1884–1945).

³⁹ **Ада Филипповна** – Кирилова-Губецкая, учительница немецкого языка и завуч детскосельской школы.

тем, что много нам читал, декламировал сцену у фонтана «Бориса Годунова»⁴⁰, читал «Русских женщин» Некрасова⁴¹.

7 февраля. 6-го я была здорова и собиралась выехать, но ко мне приехал дядя Миша и привез телеграмму из Москвы от тети Таси⁴², которой писал папа, чтобы в Москве меня задержали, так как в Днепропетровске⁴³ у них в квартире⁴⁴ заболел мальчик скарлатиной. Пришлось свою поездку снова отложить.

9 февраля. Каникулы прошли быстро и весело со школьными вечерами в кругу юношеской компании. Теперь в школе начались занятия, и много времени отнимают уроки дома и уроки с мисс Робертс⁴⁵. Я даже не могу в своем дневнике написать все, что хочу, и мало пишу стихи, хотя в голове часто слагаются рифмы. Ко мне подошла Катя и позвала с ней пойти в кино, куда Миша принес билеты.

15 февраля. Снова берусь за дневник. Вчера заболел Алеша и, как выяснилось, скарлатиной; нас с Катей Мария Ивановна изолировала в отдельную комнату. Мне жаль Алешу, и я за него волнуюсь. В школу нам с Катей запретили ходить. Все это очень неприятно и, главное, нечем помочь. Сегодня я дала телеграмму папе, а вечером пришел ответ, чтобы я немедленно ехала домой.

Днепропетровск

24 февраля. Вот я и дома. Начну писать по порядку. Когда я уезжала из Детского в Ленинград, меня провожали Мария Ивановна, Катя, Павлуша, Боря и Миша. Катя, Боря и Миша поехали со мной в Ленинград, и там на Октябрьском вокзале меня встретил дядя Миша. Вечер был морозный, лунный, и я гуляла по платформе с провожающими. Усадив меня в вагон, дядя Миша распрощался со мной и ушел. Прощаясь с Катей, я крепко ее поцеловала, Мишу тоже, а Борю нет. Поезд тронулся, и в окне вагона замелькали бегущие за поездом Боря с Мишей. Молодая пассажирка, сидящая рядом, заметила: «Ваши провожающие, пожалуй, так добегут до Москвы».

Утром я была в Москве, и на вокзале меня встретила Леля. Мы с ней сели в автобус, и она меня повезла к себе. Дорогой я рассматривала Москву, которую мне давно хотелось посмотреть. Меня сразу охватила кипучая жизнь столичного города. Перед глазами мелькали улицы, быстро пробегающие автобусы, такси, и звенели проходящие трамваи. По дороге мы заехали с Лелей к ее маме – тете Лизе⁴⁶. Она живет в небольшой комнате со своей бывшей прислугой Софьей, которая когда-то часто держала меня на руках, когда мы с мамой у них жили в этой квартире. Тетя Лиза маленькая ростом, полная, очень просто одета, с белой косынкой на голове. Теперь она не похожа на нарядную тетю со «страшными черными бровями», какую я видала в раннем детстве. Она, как и воронежская бабушка⁴⁷, ушла в религию. Я видала и

⁴⁰ «Борис Годунов» – трагедия А. С. Пушкина (1825); сцена у фонтана – «Замок воеводы Мнишка в Самборе» – свидание Григория Отрепьева и Марины Мнишек.

⁴¹ «Русские женщины» – поэма (1872) русского поэта Николая Алексеевича Некрасова (1821–1878).

⁴² **Тетя Тася** – Наталья Иосифовна Жилинская, урожд. Знамеровская (ок. 1880-х – 1929), сестра отца автора, была замужем за Александром Ивановичем Жилинским, скрипачом по образованию; до революции работала секретарем в ведомстве, потом управляла производственным отделом большого московского предприятия.

⁴³ **Днепропетровск** – крупный город на Украине, название получил в 1926 г. в честь реки Днепр, на котором стоит, и своего уроженца российско-украинского советского партийного деятеля Г. И. Петровского (1878–1958); в 1776–1796 и в 1802–1926 гг. город носил имя Екатеринослав, с 1796 по 1802 гг. – Новороссийск; в 2016 г. переименован в Днепр.

⁴⁴ **...у них в квартире** – Знамеровские жили в Днепропетровске по адресу: ул. Баррикадная, д. 2, кв. 4.

⁴⁵ **Мисс Робертс** – репетитор по английскому языку, уроженка Уэльса, бывшая гувернантка князей Борятинских.

⁴⁶ **Тетя Лиза** – Елизавета Сергеевна Знамеровская, урожд. Клобуцкая (1884–1945), дочь статского советника, первая жена А. И. Знамеровского, мать Нины и Лели (Ольги).

⁴⁷ **Воронежская бабушка** – Ольга Ивановна Дегтярева, урожд. Краснопольская (ок. 1860-х – 1941), бабушка автора по

дядю Сашу⁴⁸ (ил. 5) с тетей Юлей⁴⁹, они за это время постарели; квартиры у них нет, и они живут под Москвой на даче у родных тети Юли. Оба служат, но зарабатывают мало и живут неважно. Тетю Тасю я нашла сильно изменившейся. Она очень худа и все время стонет. Ее раковая болезнь развивается, и, видно, ничто ее не спасет. Мне вспомнилось, как еще недавно в Батурине⁵⁰, гуляя с нами, она много рассказывала о себе, вспоминая свое детство, юность, и говорила о своей работе. Познакомилась я с ее мужем Алексеем Ивановичем, который хорошо играет на скрипке; он кончил консерваторию в одно время с Собиновым⁵¹. В Москве я пробыла два дня. С тетей Юлей осмотрела Кремль, мавзолей Ленина, Красную площадь, храм Василия Блаженного, Москва-реку, была и на Театральной площади, обошла главные улицы города. Русской стариной веет от церквей с золотыми куполами и кремлевских стен, вспоминаются исторические события, связанные со старой Москвой. В настоящем заметно, как Москва меняет свой облик, обновляясь в своем быстром росте. Всюду вырастают большие дома, расширяются улицы, приобретая столичный вид. Вечером с Лелей и ее мужем Костей⁵² была в кино и там слушала джаз.

матери.

⁴⁸ **Дядя Саша** – Александр Иосифович Знамеровский (1877–1935), брат отца автора; до революции офицер, служил в интендантском управлении Московского военного округа; потом работал в экономико-бухгалтерской сфере.

⁴⁹ **Тетя Юля** – Юлия Знамеровская, вторая жена А. И. Знамеровского.

⁵⁰ **Бату́рин** – один из украинских городков, в которых проходило детство и отрочество автора; расположен в Бахмачском районе Черниговской области.

⁵¹ **Собинов** – Леонид Витальевич Собинов (1872–1934), русский и советский оперный певец, лирический тенор; вокальное образование получил в Музыкально-драматическом училище при Московском филармоническом обществе, которое окончил в 1897 г.

⁵² **Костя** – Константин Баулин, муж Ольги Александровны (Лели).

Ил. 5. Александр Иосифович Знамеровский. До 1917 г. Москва

На другой день все были заняты, Леля была не совсем здорова, а мне очень хотелось посмотреть Третьяковскую галерею, и я начала уговаривать тетю Тасю отпустить меня одну. Тетя Тася нарисовала план и рассказала мне дорогу.

Когда я поднималась по лестнице музея, мне не верилось, что вот я сейчас увижу давно знакомые мне по открыткам и журналам полотна картин. Так долго я об этом мечтала!

Возможно ли передать свое впечатление от всего мною увиденного? Здесь слова бессильны – это можно понять только сердцем и почувствовать, насколько гениален человек в своем творчестве.

В Третьяковской галерее я оставалась, пока ее не закрыли, но разве я могла все осмотреть, как мне хотелось? Для этого было слишком мало времени.

Приехав к тете Тасе, я поделилась с ней своими впечатлениями. Вечером с Алексеем Ивановичем была в Большом театре, который восхитил меня своим великолепием, золотой

отделкой и напомнил мне наш Мариинский, только не голубой, а красный. Мы смотрели балет «Красный мак» Глиэра⁵³. Великолепная постановка, оригинальная, красочная, в китайском стиле.

На другой день я была у Лели и вечером поехала домой. На вокзал меня провожал дядя Саша. Папе дали телеграмму о моем приезде. В Синельниково⁵⁴ у меня была пересадка, но я не была уверена, что меня встретит папа. В вагоне попутчики были симпатичные, и один из них угощал меня по дороге яблоками и приносил чай. В Синельниково приехала я ночью и, выйдя из вагона, увидела папу. Я так обрадовалась, что сразу не могла говорить от радости. Мы 5 часов просидели на вокзале, ожидая поезда. Пили чай и разговаривали и только утром поехали в Днепропетровск.

28 февраля. После небольшого перерыва снова взялась за перо. Когда я ехала с папой с вокзала в трамвае, который бежал по широкому проспекту между улицей и бульваром, обсаженным деревьями, а с другой стороны перед моими глазами мелькали большие дома с витринами магазинов, я не ожидала, что это такой большой город. По сторонам бульвара, который тянется от вокзальной площади до главной улицы, далеко поднимаясь в гору, широкие тротуары, вдоль которых бегут трамваи. Выйдя из трамвая, мы остановились на углу перед большим красивым домом на главном проспекте и, войдя в подъезд, поднялись по лестнице на третий этаж. К нам навстречу бежал с громким лаем Пушок, а за ним Боря, радостно говоря своим ломающимся голосом, переходящим часто в баритон. Один поцеловал меня, а другой усиленно лизал мне руки, прыгал вокруг меня. Я радостно смотрела на Борю, но он теперь не был похож на прежнего Борю. За это время он вырос, стал выше меня, в длинных брюках, и не хорошенький мальчик, а подрастающий юноша, говорящий как молодой петушок. В комнате меня встретили мама и бабушка⁵⁵. Мне было хорошо, и я сразу не заметила, что в столовой праздничный стол накрыт, на нем стоит корзина белых хризантем, убранная белыми бантами, и много вкусных, моих любимых, пирогов и печений. Кроме закуски на столе стояла бутылка вина, а перед моим прибором лежали для меня подарки: духи, книжка и на моей тарелке букетик фиалок. Когда я села за стол, папа налил всем вина и поздравил меня с моим 16-летием, пожелав мне в дальнейшей жизни сохранить хорошие качества сердца и развить свои способности. Мама, надевая мне на палец золотое колечко, сказала: «Пусть это колечко принесет тебе счастье и радость в твоей жизни. Это подарок тебе от меня и Бори». Давно, еще когда мне было 10 лет, Боря в Киеве нашел запонку. Она оказалась золотой и с выпуклым гранатом. Мама добавила к ней золота и сделала кольцо, которое берегла до моего шестнадцатилетия. Я одела его теперь с невольным ощущением, что это талисман. Ведь гранат надо носить на счастье родившимся в январе. А этот еще и находка!

Ложась спать, я передала маме письмо от Ады Филипповны. Она писала маме, что я по-прежнему остаюсь в рядах первых учеников, разделяя первенство с Чубом⁵⁶, Петровым⁵⁷, Залесским⁵⁸ и Пироговым. Что пожаловаться она ни на что не может, что был один неприятный

⁵³ «Красный мак» Глиэра – балет в трех действиях, композитор Р. М. Глиэр, автор либретто М. И. Курилко, балетмейстеры В. Д. Тихомиров и Л. А. Лащилин. Премьера состоялась 14 июня 1927 г. в Большом театре. С 1957 г. балет также называется «Красный цветок».

⁵⁴ Синельниково – село возникло в 1868 г. вместе с железнодорожной станцией в 48 км на юго-восток от Екатеринослава (позже Днепропетровска, ныне Днепра); с 1921 г. уездный, с 1923 г. – районный центр, в 1938 г. Синельниково получило статус города.

⁵⁵ Бабушка – Ольга Александровна Знамеровская, урожд. Газ фон Грюненвальд (1853–1929), бабушка автора по отцу; в последние годы жила вместе с семьей сына, П. И. Знамеровского.

⁵⁶ Чуб – Михаил (1912–?), сын священника, одноклассник автора; в 1935 г. добровольно уехал с высланными родителями в Караганду, заочно учился на филологическом факультете, был полиглотом, после Великой Отечественной войны принял монашество, окончил Духовную академию, впоследствии епископ Удмуртский, затем епископ Ставропольский.

⁵⁷ Петров – Владимир (1912 – не позже 1945), одноклассник автора.

⁵⁸ Залесский – (1912–?), одноклассник автора.

случай с редколлегией, когда я стала на враждебную ей сторону, но что она это объясняет моей дружбой последнее время с Барышевым и другими, которые имеют на меня влияние не всегда хорошее. Я с этим абсолютно не согласна.

20 февраля. Квартира у нас приятная, две больших светлых комнаты с дверью на балкон, выходящий на бульвар, откуда открывается вид на главную улицу, на красивые дома. В квартире, уютно обставленной новой мебелью, которую здесь купили, есть только самое необходимое, а потому комнаты пустоваты, но мамыны вышивки все украшают и всему придают уют. С Борей, когда он не в школе, я провожу целые дни в разговорах и знаю теперь его многих товарищей по школе. Когда я с книгой сажусь в кресло, Пушок, как и раньше, вскакивает ко мне на колени и, облизав мои руки, лежит смиренно.

5 марта. День сегодня весенний, ослепительно светит солнце, снег всюду стаял, бегут ручьи. Я сняла шубу и одела весеннее пальто. После обеда мы с папой поехали в полк и осматривали всех лошадей, обойдя конюшню. Там стояла и папина лошадь, которую он купил, англо-араб. Пьеро – высокий вороной конь с красивой мордой и умными глазами, но еще не выезженный. Я им любовалась, мечтая летом на нем поездить. На обратном пути за городом все время вспыхивало яркое зарево от доменной печи Петровского завода⁵⁹. Днепропетровск – еще молодой город, быстро растущий, у которого мало связано с прошлым, а в будущем он обещает стать промышленным центром Украины. В нем строятся новые дома, открываются институты и насаждаются парки. Через Днепр перекинут двухэтажный большой мост, и здесь Днепр много шире, чем в Киеве. По берегу Днепра раскинулся Потемкинский парк⁶⁰ с видом на Богомолковский остров⁶¹ и Днепр. В свободное время Бори мы с ним гуляем подолгу, он мне показывает новые места, сады, бульвары, знакомит с городом.

15 марта. Какой прекрасный день! С утра я сижу, нежась, на балконе под горячими лучами солнца и чувствую, как теплота пронизывает все тело, и минутами бывает лень пошевелиться. Мысли в голове становятся неясными, спутанными, веки тяжелыми, и я закрываю глаза. Открытая страница лежащей в руках книги остается неп прочитанной. Я смотрю в ясное голубое небо и ощущаю всем своим существом знакомую радость – начало весны. Я слежу, как с каждым днем пробуждается природа, даря все новые прелести. Во всем чувствуется весна, – в запахе распускающихся почек, первых подснежников, в зеленых лепестках в саду, на кустах. Я открываю глаза и читаю несколько строк, и снова погружаюсь в полуявь-полусон. Я думаю: еще так недавно я была в Детском, где всюду лежал снег, мороз хрустел под ногами, а здесь разлился Днепр во всю ширь, затопив Богомолковский остров, и по Днепру пошли двухэтажные пароходы. Так тепло, хорошо. Внизу под балконом тянется далеко бульвар, обсаженный тополями и белой акацией, теперь они зазеленели, и распускающиеся клейкие листочки тополя хорошо пахнут.

⁵⁹ **Петровский завод** – в 1887 г. вступил в строй Александровский южно-российский железодельный и железопрокатный завод Брянского акционерного общества (Брянский завод); в 1918 г. национализирован; имя партийного деятеля Г. И. Петровского, в прошлом токаря Брянского завода, было присвоено заводу в 1922 г.; ныне Днепровский металлургический завод.

⁶⁰ **Потемкинский парк** – центральный и старейший садово-парковый комплекс Екатеринослава – Днепропетровска – Днепра; с 1790-х до 1925 г. – Потемкинский сад, с 1925 г. – Парк культуры и отдыха им. Т. Г. Шевченко.

⁶¹ **Богомолковский остров** – остров на реке Днепр; приблизительно с XVI в. назывался Монастырским, в XIX и начале XX в. – по владельцам: Рябининский, Бураковский, Богомолковский (принадлежал генералу Богомолу, затем его вдове); в 1926 г. стал Комсомольским, в 2015 г. официально вернул себе название Монастырский. С 1956 г. часть острова относится к Парку культуры и отдыха им. Т. Г. Шевченко.

Детское Село

6 апреля. Вот я и в Детском и снова берусь за перо. Проезжая через Москву, я останавливалась там на один день у тети Таси, была в Музее революции⁶², в Щукинском музее⁶³. Картины футуристов и кубистов не произвели на меня впечатления, в них все надуманно и неестественно. Снова любовалась Кремлем и памятниками. В Москве много замечательных уголков, где можно встретить старинный особняк с колоннами и вспомнить «Войну и мир» Толстого⁶⁴. Много старинных церквей, пришедших в ветхость, но с ними связана история давно прошедших времен. Я бродила по Москве одна, рассматривая здания, любясь их архитектурой. С Лелей была в кино, видела картину «Ледяной дом» по роману Лажечникова⁶⁵. С грустью в сердце я прощалась с тетей Тасей, видя, как болезнь уносит ее силы. Очень хороший она человек! На вокзал меня провожала Леля, а в Детском встречали Катя и Миша. Теперь надо много заниматься, потому что я много пропустила и приходится догонять пропущенное.

9 мая. Давно не заглядывала в свой дневник, было некогда. Вот пришел и май. Теплая, солнечная погода, начало северной весны. В такие дни все кажется ярким, радостным и прекрасным. 1-е мая я провела в Ленинграде. Невский⁶⁶ был празднично убран, гремели оркестры на площадях, и алые знамена колыхались над толпой. Мы смотрели на проходящие длинные процессии, идущие на парад с оркестрами музыки, и настроение было праздничным. Нева отражала красные флажки на мосту, и в каналы смотрелись разукрашенные красными складками полотен высокие дома. Я ходила по городу с Марусей и Жоржем⁶⁷, который приехал к Марусе. От него я узнала, что он развелся с женой и уехал от нее. Дойдя до Октябрьского вокзала⁶⁸, мы зашли в кафе и выпили там кофе с пирожками. Вечером была у дяди Миши.

11 мая. Вчера вечером ездила в Павловск⁶⁹ на концерт вместе с Катей, Костей Барышевым и Павлушей. Неожиданно погода изменилась, накрапывал теплый дождь, но это нас только веселило, и мы, идя по парку, смеясь, перебрасывались шутками. Мелкие капельки дождя падали на волосы, и хотелось тряхнуть головой, чтобы они рассыпались. Все окружающее, как и музыка, поднимало настроение. В саду в антракте звучали задорные звуки фокстрота, и свет фонарей, смешиваясь с бледным сиянием белой ночи, придавал всему фантастический характер, отчего учащенной билось сердце. Обрато мы ехали поездом, стоя на площадке вагона. Мимо мелькали силуэты деревьев и небольшие лужайки, поросшие травой. Павлуша нас смешил, изображая, как поет Лопухова⁷⁰, которую мы только что видели в оперетте, а потом, обращаясь ко мне, смеясь, говорил: «Таня, я вас очень прошу не смотреть на меня и Катю. Я ей

⁶² **Музей революции** – учрежден в 1924 г. в здании московского Английского клуба (ул. Тверская, 21); с 1998 г. Государственный центральный музей истории России.

⁶³ **Щукинский музей** – частные коллекции современного западного искусства С. И. Щукина (на Знаменке) и И. А. Морозова (на Пречистенке), национализированные в 1918 г., до 1921 г. оставались в особняках коллекционеров (соответственно Первый и Второй музеи современной западной живописи); в 1928 г. коллекции объединили в морозовском особняке (с 1921 г. Пречистенка – ул. Петра Кропоткина). Государственный музей нового западного искусства расформирован в 1948 г.

⁶⁴ **«Война и мир» Толстого** – роман-эпопея русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910); первое полное издание вышло в 1868–1869 гг.

⁶⁵ **Картина «Ледяной дом» по роману Лажечникова** – советский кинофильм (1928, режиссер К. В. Эггерт) по одноименному историческому роману (1835) русского писателя Ивана Ивановича Лажечникова (1792–1869).

⁶⁶ **Невский** – в 1918–1944 гг. проспект 25-го Октября.

⁶⁷ **Жорж** – муж Татьяны Ильиничны, урожд. Залькиндсон; возможно, он же Жора, брат Марии Генераловой.

⁶⁸ **Октябрьский вокзал** – в 1851–1923 гг. Николаевский, в 1923–1930 гг. Октябрьский, с 1930 г. Московский вокзал (Невский пр., д. 85).

⁶⁹ **Павловск** – в 1918–1944 гг. носил название Слуцк в честь революционерки Веры Клементьевны/Климентьевны Слуцкой (1874–1917), погибшей в бою близ Царского Села; основан в 1777 г. как село Павловское на землях, подаренных в этом году будущему императору Павлу I матерью, Екатериной II; в 1796 г. император Павел I переименовал село в город Павловск.

⁷⁰ **Лопухова** – Евгения Васильевна (1884–1943).

должен сказать что-то очень важное, а вы мешаете, и я теряюсь и путаюсь в словах. Помните, что сказала Мария Ивановна, – во всем слушаться только меня». Смеясь, я поворачивала лицо к Косте, и мы с ним, разговаривая, начинали спорить. «Ну можно ли так смеяться? Как вы себя, Таня, ведете? Взгляните на Костю, почему он так смущен и взгляд растерян, ведь в этом виноваты только вы», – шутливо-серьезным тоном говорил Павлуша. В этот вечер нас охватывало хорошее чувство радостного веселья. Я была счастлива, что живу, что мне только 16 лет, что вся моя жизнь впереди, что Катя, Костя и Павлуша так же молоды, как и я. Мальчики нас проводили домой.

22 мая. На днях Боря Абрамов уехал в Охват⁷¹ на две недели, а может быть, и надолго. Он там поступает на работу. Это случилось неожиданно. Я с Павлушей была в Ленинграде в Народном доме⁷², слушала оперу «Богема»⁷³. Когда меня провожал Павлуша, нам дверь открыла Мария Ивановна и сказала об отъезде Бори и о том, что она даже не успела с ним попрощаться, потому что была в Ленинграде. На его отъезде настоял Михаил Ефремович: сказал, что он должен ехать служить в Охват или дать ему слово, что он осенью поступит в ВУЗ. Мария Ивановна была недовольна: разве Боря мог дать слово, что выдержит экзамен, – ведь могут быть разные случайности. Конечно, Боря был сам виноват, что мало занимался и потому в прошлом году на экзамене провалился. Но Михаил Ефремович все же неправ, отправляя его в Охват, где он не может серьезно заниматься. Я думаю, что Мария Ивановна уговорит Борю вернуться, хотя пожить ему одному будет полезно, он будет более самостоятелен, не будет инертен, узнает жизнь.

Он мне пишет письма, что тоскует по дому, живется ему трудно, много работы. В Охвате страшная глушь, даже нет кино. Костя, как-то сидя у нас, посоветовал мое письмо к Боре кончить поцелуем. Я, шутя, ответила, что лучше я это сделаю не в письме, а на самом деле при встрече. Костя в своем письме к нему передал об этом и в конце одного письма Боря написал: «Целую вас всех, и Таню, если она позволит». Павлуша сделал большие глаза и строго посмотрел на меня. Все засмеялись. «Ну тогда, разрешите, я буду его заместителем и охотно исполню его желание». – «Если я разрешаю это сделать Боре, это еще не значит, что разрешаю вам; если бы я была при его отъезде, то, возможно, поцеловала бы его».

В эту зиму я хорошо узнала Борю. Он застенчив, скромн, и в нем есть глубокая мягкость; самый большой его недостаток – слабость характера, и это ему мешает энергично работать. Он ко всему относится вяло, не проявляет жизненного интереса. Мария Ивановна говорит, что я нравлюсь Боре. Может быть, это и правда, но во всяком случае мне втайне Павлуша нравится больше всех других. Только ли нравится? Он меня увлекает своим развитием, своим умом, своей недоступностью и ядовитой усмешкой. Он умеет владеть собой – это признак характера. По вечерам, в сумерках, сидя на диване, я люблю слушать, как Павлуша играет свои любимые вещи; тогда лицо у него становится серьезным, и тонкие длинные пальцы бегают по белым клавишам, а звуки музыки так много говорят. Теперь, когда нет Бори, он каждый вечер приходит к нам. Недавно он Кате в альбом написал стихи, чуть не объяснение в любви, а мне написал в альбом дерзкие. Жаль, что нет у него альбома, я бы ответила ему тоже стихами.

26 мая. Противный Павлуша, кто же ему в конце концов нравится, как это узнать? Знаю только одно, что он мне слишком нравится. Миша теперь у нас бывает редко. Недавно он объяснился Кате в любви, а Катя сказала об этом Марии Ивановне, которой это не понравилось.

⁷¹ **Охват** – поселок возник в 1903 г. вместе со строительством железнодорожной станции на линии Бологое – Великие Луки, расположен на берегу озера Охват в Пенновском районе Тверской области.

⁷² **Народный дом** – видимо, имеется в виду Народный дом императора Николая II, с 1919 г. Народный дом им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, с 1920 г. Государственный народный дом; после пожара 1932 г. несколько раз реконструировался, ныне здание Мюзик-Холла (Александровский парк, д. 4).

⁷³ **«Богема»** – опера в четырех действиях по роману А. Мюрге «Сцены из жизни богемы», композитор Дж. Пуччини, авторы либретто Л. Иллика и Дж. Джакозо, первая постановка в 1896 г. в Турине.

Она считает, что Кате еще рано увлекаться. Впрочем, увлечение Кати было мимолетно и не серьезно, и она дала Мише теперь это понять. Мишу жаль, он слишком сильно любит Катю.

29 мая. Просматривая свой дневник, я вспомнила, что забыла написать об одном нашем вечере в складчину у Надежды Павловны⁷⁴, – Павлушиной матери, – в ее квартире. Это был вечер-маскарад. Кроме нас с Катей, были Таня Руперт⁷⁵, Мария Орлова⁷⁶ и их подруга Леля; они старше нас. Одеты они были молодыми людьми, а Тася⁷⁷ – племянница нашего учителя Юрия Павловича⁷⁸ – была в костюме цыганки, который к ней шел. Сережа был одет рыбаком, Леша Гоерц – в костюме «Зеро»⁷⁹, а Витя Лифанов⁸⁰ – в костюме хулигана. Катя была хорошенькой в костюме цветочницы, а я была в своем восточном. Брат Павлуши, Юля⁸¹, был одет паяцем. Боря и Павлуша были одеты как всегда. Было шумно, весело. Мы с Катей много танцевали и играли в разные игры; Таня Руперт была недовольная и скучная, потому что мальчики уделяли мало внимания ей и ее подругам, тогда как раньше они все время были с ними, считая нас маленькими. Я знаю, что Павлуша нравится Тане. Мы веселились до часу ночи, и Надежда Павловна угощала нас сладостями и бутербродами. Но в глубине души мне было все-таки невесело, – Павлуша слишком много уделял внимания Кате.

30 мая. Занятия в школе кончились, и я перешла в последний класс. Теперь я выпускная. Это звучит как-то радостно и гордо. Еще один год, и школа будет окончена, и надо будет подумать, где учиться дальше. Первые ученики в классе по-прежнему остались – Залесский, Чуб, я и Петров. У меня по всем предметам «хорошо», кроме естествознания. «Отлично» никому не ставят.

На днях в школе был вечер. Ставили «Царскую невесту»⁸², и Грязного⁸³ играл очень хорошо Сережа Муравьев. Эта роль к нему очень подходила, и он был интересен в богатом боярском костюме.

Спектакль сошел прекрасно. Костюмы были привезены из Ленинграда. Я танцевала на пиру у Грязного русский танец в голубом атласном с золотой вышивкой сарафане, с длинной белокурой косой и в богатом боярском кокошнике из жемчуга. Меня много раз вызывали, и я повторяла свой танец. Боярский костюм ко мне шел, и говорили, что я была красивой, а Павлуша, увидев меня, заявил, с обычной насмешливостью, что только потому я и была хороша, что не была похожа на себя. После спектакля были танцы, и я, кажется, никогда так много не танцевала. Ада Филипповна, прощаясь со мной, сказала, что в этот вечер она любовалась мной, когда я танцевала русский.

⁷⁴ **Надежда Павловна** – Чахурская, урожд. Ленци (1884–1974), мать П. С. Чахурского; в 1924–1933 гг. работала в школах Детского Села и Ленинграда учителем черчения, немецкого языка и математики, в детскосельской 1-й единой трудовой школе преподавала черчение; давала частные уроки черчения, которые, в том числе, брала у нее и автор еще до поступления в детскосельскую школу; в 1933–1936 гг. отбывала высылку в Западной Сибири (в 1933–1934 гг. работала учителем рисования в томской школе), с 1936 г. работала в библиотеке Челябинского краеведческого музея; позже вернулась в Ленинград.

⁷⁵ **Таня Руперт** – Татьяна (ок. 1910 – не ранее 1970-х), школьная знакомая автора, сестра ее одноклассника Леонида Руперта; впоследствии архитектор.

⁷⁶ **Мария Орлова** – школьная знакомая автора.

⁷⁷ **Тася** – Власьева, будущая жена Б. М. Абрамова.

⁷⁸ **Юрий Павлович** – Деларов (1882–1939?), преподавал в Николаевской гимназии в Царском Селе, а потом в детскосельской 1-й единой трудовой школе математику и физику; в 1937 г. осужден «за антисоветскую деятельность» на 10 лет лагерей, в 1939 г. приговор отменен за отсутствием вины.

⁷⁹ **«Зеро»** – скорее всего, имеется в виду Зорро, благородный мститель в черной маске. Первый фильм об этом герое – «Знак Зорро» (The Mark of Zorro, 1920, режиссер Ф. Нибло) по повести Дж. Маккалли «Проклятие Капистрано» (1919).

⁸⁰ **Витя Лифанов** – Виктор (1911–?), школьный знакомый автора, одноклассник Бориса Соколова.

⁸¹ **Юля** – Юлий Сигизмундович Чахурский (1913–1941); погиб в бою в Великой отечественной войне.

⁸² **«Царская невеста»** – опера русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844–1908) по пьесе русского писателя Льва Алексеевича Мея (1822–1862), впервые поставлена в 1899 г.

⁸³ **Грязной** – боярин Григорий Григорьевич Грязной, опричник, персонаж «Царской невесты».

5 июня. Четвертого июня в нашей школе был выпускной бал, на который мы с Катей получили по два пригласительных билета. Мы одели белые платья, светлые туфли и к поясу приколоты цветы розовой жимолости. Катя вместо обычной косы заложила свои волосы в прическу. За нами зашли Миша и Павлуша и на извозчиках довели нас до школы. Школа была празднично убрана, и всюду встречались счастливые, радостные лица. Вечер был оживленный, я танцевала без перерыва со многими окончившими школу и со своими мальчиками. В перерывах гуляла с Витей Лифановым и Сережей. Витя в прошлом году окончил школу и готовится поступать в ВУЗ. Я была с ним знакома и раньше, но он у нас не бывал. Его никак нельзя назвать красивым, он даже бесцветен, но у него доброе лицо с мягким (слишком мягким!) выражением внимательных глаз.

«Драная Кошка»⁸⁴, пустое и глупое существо, с которым у меня были не очень хорошие отношения, на вечере вдруг стал проявлять ко мне внимание и даже надоедать. Костя и Павлуша подсмеивались, что я приобретаю слишком большой успех и новых поклонников. Около меня вертелся и Маторин⁸⁵, без конца приглашал на танцы и, узнав, что я скоро уеду на Украину, все вздыхал и жалел, что меня летом не будет. Когда раздались звуки фокстрота, ко мне подошел Костя, приглашая меня танцевать. Я была удивлена, зная, что он никогда не танцует и это даже к нему не идет. Правда, мы с Катей один раз в шутку приставали к нему, почему он не научится танцевать. И вот он теперь, верно, решил нас наказать и пригласил сначала одну, а потом другую, а для храбрости немного выпил. Танцевать с ним одно мученье, он так неловок и неуклюж, наступает на ноги, а многие, увидев его танцующим, начали ему аплодировать, что его смущало и он еще больше путался в танце. Подошел Миша и пригласил на вальс. Я заметила, что в этот раз он танцует хуже, чем всегда, но я не придавала этому значение. Когда же он взял меня под руку и мы пошли по коридору, он начал говорить такие глупости, что я поняла, что он выпил. Раньше я его таким никогда не видела, очевидно на него так подействовала неудачная любовь к Кате. Ко мне подошли Витя Лифанов и Руперт, и я с ними постаралась скрыться от Миши, но он последовал за нами и, чтобы привлечь мое внимание, слегка дотронулся полупотухшей папиросой до моей руки и немного обжег. Меня это возмутило, и я резко сказала: «Это слишком! С пьяными я не разговариваю и прошу, чтобы вы оставили меня». Витя спокойно сказал: «Миша, твои дерзкие шутки могут кончиться плохо». – Миша вспыхнул и, резко обращаясь к Вите, вымолвил: «Скажи, что ты этим хочешь сказать?» – «То, что я говорю». – «Но я ведь с тобой могу поговорить серьезно». – «А я считаю, что здесь для нашего разговора не место, и прошу тебя нас оставить». – «Почему ты бледнеешь? Где мы будем разговаривать с тобой?» – «Хотя бы во дворе, а пока оставь меня», – холодно ответил Витя. – «Хорошо», – и Миша скрылся. Я была взволнована и боялась, что Вите будет большая неприятность, зная Мишину силу, да еще и в пьяном состоянии, когда он без труда может избить его. Я поторопилась найти Катю, чтобы все ей рассказать. Она подошла к Мише и предупредила, что если он тронет Витю, то она его больше не захочет знать. Это на него подействовало, и он ушел домой.

На этом вечере Павлуша был больше с Катей. Когда мы возвращались домой, белая ночь сменялась белым утром и на верхушках деревьев чуть дрожали первые лучи солнца. Нас провожали Витя, Павлуша, Костя, и мы решили зайти в парк. Мы шли по широкой аллее парка, наполненного предрассветным сиянием зарождающегося утра. Потом сели на скамейку среди белеющих в густой зелени статуй. Вокруг была полная тишина, и только где-то высоко в ветвях просыпались птицы, негромко чирикавая. В воздухе чувствовалась бодрящая свежесть раннего

⁸⁴ **Драная Кошка** – знакомый автора по царскосельской школе.

⁸⁵ **Маторин** – Дмитрий Михайлович Маторин (у автора в дневнике везде «Моторин») (1911–2000), происходил из дворянской семьи, учился в детскосельской 1-й единой трудовой школе в 1919–1927 гг., одноклассник автора; впоследствии борец классического стиля, заслуженный тренер РСФСР, судья всесоюзной категории; был репрессирован: в 1937–1945 г. сроки в лагерях, в 1949–1954 гг. ссылка.

утра. Бледные золотые лучи солнца скользили среди стволов деревьев и полосами ложились на траве. Я посмотрела на Катю. Ее прическа слегка растрепалась, и мягкий утренний набегающий ветерок играл прядями ее волос. Она была удивительно хороша в это раннее утро, и я любовалась ею. Павлуша сидел рядом с ней, что-то напевая, а Витя шутил и смеялся, называя его «кавказским соловьем». Потом, взглянув вокруг, Витя восторженно сказал: «Таня, побежим к озеру». Он взял меня за руку, и мы побежали вместе вниз по аллее, за нами побежал Костя. У самого берега мы сели. Озеро было неподвижное и прозрачное, как зеркало, слегка окутанное белым тонким туманом. В аллеях еще скрывался бледнеющий сумрак, а за озером, краснея, все больше зажигался тихим рассветом восток. Вокруг все было неясно, нереально, необычно. Загадочным казался парк, и в глубине души все чувства были спутаны, как в пустыне. Хотелось сосредоточенно молчать, боясь нарушить покой, и сидеть у озера, пристально всматриваясь в его глубину.

«Таня, скажите, о чем вы сейчас думаете? Ваши глаза такие загадочные, как бывают только у русалок», – сказал Витя. – «А вы их видели когда-нибудь?» – засмеявшись, спросила я. Где-то далеко за озером зарождался трепетный луч и, робко скользнув по поверхности воды, неожиданно ярко блеснул. За ним хлынули целые потоки золотых лучей. Они озолотили верхушки деревьев, скользя по зеркальной поверхности озера, и вода в нем заискрилась, засверкала так, что было больно глазам. Громче запели птицы в зелени деревьев парка. Наступало утро, ласковое, пригретое солнцем. Мы вышли из парка и пошли домой. Павлуша шел по-прежнему с Катей.

7 июня. В последний раз сегодня была на уроке английского языка и рассталась с мисс Робертс до осени. Днем я играла в теннис, позднее гуляла с Костей, Сережей и Павлушей в парке. Катя и Павлуша вспомнили школьный вечер, рассказывая, как Маторин вдруг заявил им на вечере, что он влюблен в меня и не знает, что ему делать. Мы посмеялись над этим, а Костя рассказал, как к нему подошел Гриценко и таинственным тоном спросил: «Скажи, ты не знаешь, куда она ушла?» – «Кто же это она? Для меня непонятно». – «Ну, конечно, Катя, ведь все знают, что она единственная». Посмеялись и над этим. Только Миша после вечера не совсем себя хорошо чувствовал и был скучным. В этот день к нам в комнату робко вошел Маторин с большим букетом сирени, который подарил мне. Мы его оставили у себя пить чай. Позднее пришли Миша, Павлуша и Сережа.

11 июня. Через три дня я уезжаю домой, и не одна, а с Катей и Алешей. За это время я привыкла к Кате, и меня радует, что она едет со мной; да и Алеша, живя на Украине, поправится, а то после болезни он побледнел и похудел.

В один из вечеров, когда мы сидели на диване, разговаривая с Костей, он так разоткровенничался, что сознался нам, как он безнадежно был влюблен в Катюшу Бушен⁸⁶, которая теперь замужем и в которую до сих пор влюблен Саша Голубенков. Он много говорил в этот вечер о себе, о том, как до смешного любит Сережу Муравьева за его ум, сценическое дарование и относится к нему с каким-то благоговением. Он, оказывается, был убежден, что Леша Гоерц мне нравится больше всех; а когда я сказала, что это неверно и что Сережу я всегда ставила выше всех наших мальчиков, он заметил, что его мнение о моем вкусе повысилось, но что понять, кто мне нравится, довольно трудно. «Это потому, что я ни в кого не влюблена, хотя меня интересуют многие и даже нравятся», – сказала я, улыбнувшись. «Вот, несмотря на скрытность Павлуши, я хорошо знаю, что он интересуется очень Катей», – сказал Костя, приведя несколько доказательств. Стараясь скрыть мучительное волнение, я чувствовала, что он говорит правду.

Потом мы были в Павловске на концерте, возвращались поездом обратно и, как обычно, смеялись, много шутили. Павлуша запел, а Катя прикрыла ему рот рукой, и Павлуша поцело-

⁸⁶ Катюша Бушен – Екатерина, школьная знакомая автора.

вал ее пальцы. Катя смутилась, покраснев, а мы, смеясь, им заплодировали. Хотя в душе я почувствовала щемящую боль. Приехав в Детское, мы медленно шли домой, Павлуша с Катей впереди, Костя мне что-то говорил, но я его не в состоянии была слушать. Когда мы их нагнали около дома, я заметила, что у них был смущенный вид. Я догадалась о многом. Да Катя и сама не могла удержаться и рассказала мне об объяснении в любви и об ее отказе. Что говорить о том, как я это выслушала, боясь выдать охватившие меня чувства? Я должна подавить их в себе. Даже себе не надо говорить об этом! Страшно! Я сама не своя с того вечера.

Рудяково⁸⁷

17 июня. Несколько дней, как мы живем в Рудяках. 14-го Катя, Алеша и я выехали рано утром из Детского Села в Ленинград. В Детском на вокзале нас провожали Костя, Борис Соколов, Толя Лапшин и Маторин, который пришел неожиданно к нам с двумя большими букетами сирени и жасмина для меня. Он так смущался, передавая мне цветы, и был таким тихим, что я была тронута. Он завязывал мои вещи, а Костя сказал, что он долго не решался идти к нам и спрашивал Костю, можно ли. Когда он ушел, я подумала: «Прошла только одна зима, а как много изменилось за это время, и больше всех я сама».

В Ленинград нас поехали провожать Мария Ивановна, Корешок и Дидерикс⁸⁸. Павлуша тоже хотел прийти, но, верно, проспал. На Московский вокзал пришла попрощаться и Наташа⁸⁹. Они усадили нас в вагон, поезд тронулся. Я смотрела в окно, передо мной потянулись знакомые картины северной природы. Мимо Детского поезд пролетел быстро, без остановки. На платформе стояли Костя и Сережа, поджидая, когда мы проедем, и махали нам своими кепками. Вначале наши мысли были около оставшихся. Но вот в окне вагона замелькали белые украинские хатки, окруженные садами, и я поняла, насколько дорога для меня Украина. На севере есть свои прелести, белые ночи без теней, красивые парки, Нева, закованная в гранит, но для Украины в моем сердце есть особый уголок.

В Киев мы приехали к вечеру, и нас никто не встретил. Очевидно, наша телеграмма запоздала, и папа не успел выехать за нами. Сдав свои вещи на хранение, мы остались на вокзале ждать утра. Алеша заснул, а мы с Катей не спали всю ночь. Наутро папы не было, и мы решили дальше ехать одни. Нам надо было узнать, когда отходит пароход по Днепру и как добраться до лагеря. Увидев артиллериста, я подошла к нему, чтобы узнать, как нам ехать. «А вы к кому едете, к мужу?» – спросил он. – «Нет, к отцу», – ответила я. – «А кто ваш отец?» – спросил он. Я сказала. «Так, значит, вы Таня Знамеровская? Я вас помню маленькой в Конотопе⁹⁰, а теперь вы так выросли, что вас не узнать». Оказалось, что это был командир батареи папиного бывшего полка. Мы разговорились и вспомнили Батурина. К нам подошел еще один военный, тоже артиллерист из Конотопа, который сразу меня не узнал. Они подробно рассказали мне, как ехать пароходом и где вылезать.

19 июня. Мы собрались уже ехать на пароходную пристань, как вдруг я вижу, идет папа. Я обрадовалась и бросилась его целовать. Он сказал, что мы поедем не пароходом, а поездом, и вечером, а пока пойдем в город.

Вот я снова в Киеве, с которым у меня связано так много хороших воспоминаний раннего детства. Четыре года я не была в Киеве, и теперь, идя по Крещатику, я думала, какая я тогда

⁸⁷ **Рудяково** – у автора также называется Рудяки, старинное село Борисопольского района Киевской области; в 1970-х годах затоплено при строительстве Каневского водохранилища.

⁸⁸ **Дидерикс** – Андрей Андреевич Дидерихс (1911–1978), впоследствии музыкант, саксофонист в оркестре Л. О. Утесова, композитор.

⁸⁹ **Наташа** – Наталья Михайловна Абрамова, в замужестве Ядыгина (ок. 1900 – середина 1950-х).

⁹⁰ **Конотоп** – один из украинских городков, где прошло детство и отрочество автора; расположен в Сумской области.

была маленькая, когда ходила в балетную студию. Теперь многое изменилось, нет Маргариты Григорьевны⁹¹ в Киеве, и дома, и улицы будто не те, тогда они казались много больше, а теперь, после Москвы и Ленинграда, все кажется меньше, но зато еще более уютным, своеобразно милым. В зелени цветущих больших каштанов и деревьев белой акации тонет Киев. Воздух напоен ароматами цветов. Стройными рядами высоко тянутся по бульвару тополя, а улицы то поднимаются в гору, то опускаются вниз, и кажется, будто дома висят в воздухе. Золотые купола старинных церквей ослепительно блестят на солнце.

Мы зашли в кафе, потом походили по магазинам, купив, что нужно, зашли в Купеческий сад⁹². По-прежнему в саду цвели цветы; те же дорожки, усыпанные желтым песком, по которым я часто бегала, когда здесь бывала с мамой в детстве. Только ресторан сгорел, и на этом месте стоит новый павильон. Когда зашли в бывший Царский сад⁹³, там все было запущено и похоже на старый парк. Все легли спать на траву, а я пошла к обрыву и, сев на крутом берегу Днепра, смотрела на далекие просторы украинских степей, и в голове моей проносились вереницы воспоминаний. Внизу раскинулся Подол, где жила наша няня Анята⁹⁴. Высоко была видна Владимирская горка, а кругом расстился чудесный вид. И я не могла насмотреться на украинские просторы. Мне казалось, что я не уезжала отсюда, что все, что было, – только сон. День был жаркий, ослепительно играло солнце в бегущих струях Днепра и заливало светом парк, сверкало бликами в листве высоких деревьев. Но жара здесь не чувствовалась, от воды шла приятная прохлада, и было хорошо сидеть одной. Только в глубине была все та же боль и на глаза невольно готовы были выступить слезы.

21 июня. Под вечер мы выехали из Киева и ехали до Борисполя⁹⁵, где нас ждали лошади. Было около 7 часов вечера, солнце клонилось к западу, и в вечернем воздухе был разлит покой, когда мы вышли из вагона на станции. Сев в экипаж, мы поехали. Гулко стучали копыта лошадей по проселочной дороге. Перед нами раскинулась широкая степь, и дышалось легко. В догорающих лучах заката волновалась и золотилась рожь. Медленно угасало солнце, бросая красновато-розовые тени, скользящие по полю.

В 10 часов мы остановились на отдых в селе Старом⁹⁶. В белой, чистой хатке мы выпили молока с вкусным черным хлебом и поехали дальше.

Была темная украинская ночь. Яркий серп месяца горел в небе, и крупные звезды, рассыпанные по небу, мелькая, искрились. По бокам дороги попадались трясинки, где концерт лягушек звенел различными звуками. Где-то далеко и близко жалобно стонали болотные бычки⁹⁷, вдали что-то аукало, и болотные голоса наполняли насторожившуюся душу чувством чего-то таинственного, ожиданием чего-то необычного. Все ниже склонялся серп месяца, становясь багровым; он туманно отражался в темной воде болота. Низко склоняли свои пушистые черные ветви деревья, и набегающий ветерок чуть слышно о чем-то шептал в камышах. Весь воздух был пронизан сыростью и запахом болотных трав. Все громче раздавался неугомонный, полный своеобразной прелести и таинственности хор лягушек в ночной тишине, будто они кому-то жаловались в своей безысходной тоске, и водяные бычки громко стонали о своей доле. Как сказочно прекрасен был мир в этот поздний час! Кругом все было непохоже на действитель-

⁹¹ **Маргарита Григорьевна** – точнее, Мария Григорьевна Ленчевская, балерина, актриса, преподавала в балетной студии в Киеве, где в 1920–1924 гг. занималась автор.

⁹² **Купеческий сад** – часть Царского сада, отданная в аренду Купеческому собранию в 1882 г., получила название Сад Купеческого собрания, или Купеческий сад; ныне Крещатый парк.

⁹³ **Царский сад** – Петром I в Киеве на берегах Днепра был заложен Регулярный сад; в 1743 г. на его основе возник парк, называвшийся Царским садом; с 1880-х годов – Городской сад; с 1919 г. – Первомайский парк; ныне Городской сад.

⁹⁴ **Няня Анята** – преданно ухаживала за автором и особенно ее братом Борисом в 1917–1920? гг.

⁹⁵ **Борисполь** – город имеет древнюю историю, известен с 1015 г.; расположен в Киевской области Украины, с 1923 г. административный центр Бориспольского района.

⁹⁶ **Старое** – село расположено в 30 км от Борисполя, входит в Бориспольский район Киевской области Украины.

⁹⁷ **Болотный бычок** – выпь, птица семейства цаплевых, отличается громким трубным криком, похожим на рев быка.

ность. Казалось все спутанным, неясным, недосказанным, как во сне, и напоминало сказку. В памяти невольно всплыли украинские поверья, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя⁹⁸.

Но вот месяц спрятался за набежавшее облако, и только мутное пятно осталось от него; он все ниже склонялся к самому горизонту и незаметно угас совсем. В темном небе ярче разгорались звезды, вспыхивая золотыми хороводами и маня в неведомые, бесконечные миры. Мы несколько раз теряли дорогу во мраке ночи, и папа вставал с экипажа, чтобы ее найти. Постепенно утихали болотные голоса, и наконец мы въехали в спящее село. Ни шороха, ни звука не было слышно, и только, когда проезжали по пустынной улице, из ворот выскакивали собаки, оглашая громким лаем уснувшую улицу. Лишь в одной хате светился огонек, маня нас к себе. В этой хатке нас ждали мама и Боря. Громким радостным лаем нас встретил Пушок во дворе. На столе ждал горячий самовар, мамины пирожки, булочки, молоко, яйца, ягоды. Накушавшись, мы, усталые с дороги, пошли спать в клуню на свежее сено.

22 июня. Сегодня воскресенье. Хата, в которой мы живем, чисто выбелена и убрана украинскими вышитыми «рушниками». На окнах много цветов, на столе чистая тканая скатерть и стоит букет в расписанном глиняном «глечике»⁹⁹. Земляной пол вымазан желтой глиной, и в углу образа увешаны венками и полотенцами. Мы занимаем одну большую комнату и вторую маленькую, а наши хозяева – кухню и кладовку, в которой спят. Они приветливые, хорошо к нам относятся. Кругом хаты сад, где растут вишни, яблони, сливы и перед окном большое развесистое дерево шелковицы. Перед хатой много посажено цветов, цветут бархатки, ноготки, настурция, мальва, посажены астры, пахнет мятой.

Мы живем очень близко от Днепра, куда бегаем каждый день купаться, кататься на лодке, называемой «дубом». Село красивое, много зелени, как в большинстве украинских сел. Земля здесь песчаная, малоплодородная, и крестьяне занимаются рыбной ловлей и плетением корзин, но зато они имеют хорошие луга. Наше село стоит не на главном Днепре, а на старом русле, называемом Старик, и отделяется от Днепра большим островом. Вдали хорошо виден высокий правый берег Днепра. Пьянящий запах реки, лугов наполняет воздух; дышится легко, хочется припасть к земле, ощущать ее влагу, запах трав, забыть о тоске. Смотришь на расстилающиеся просторы украинских лугов и не налюбишься их далью. Я здесь живу привычной с детства жизнью, хожу босая по горячему песку, по-украински «балакаю» с девушками и хлопцами, часами загораю на пляже.

25 июня. Стоят жаркие дни, и мы подолгу купаемся и загораем на солнце. По вечерам, когда спадает жара, мы вчетвером ходим далеко гулять и возвращаемся домой с большими букетами полевых цветов. Сегодня вечером из лагеря с папой приехал Лисицкий¹⁰⁰, командир дивизиона. Он молодой, подтянутый блондин. Я его встречала, когда была в Днепропетровске. Он женат, и его жена намного старше его. Теперь я узнала, что он раньше был женихом ее дочери, что на этой почве произошла семейная драма. Татьяна Ивановна бросила мужа, семью и уехала с Лисицким. Теперь с ними живет самый младший сын ее Шура, который учится в школе, одних лет с нами. Возможно, что когда-то она была интересной, но теперь, когда они вместе, то можно думать, что это мать с сыном. На днях они должны приехать. Мама оставила Лисицкого пить чай. Он был разговорчивым, веселым, и мама говорит, что таким она видела его первый раз: обычно он бывает серьезен и молчалив.

Познакомились мы и с папиным помощником и его женой. Он высокий стройный брюнет, с тонкими чертами лица, красивыми голубыми глазами и губами. Он красив. Его жена наружностью не блещет, но знает языки и много о себе думает, малосимпатична и ревнива, что плохо скрывает. У них маленький сынишка, как картинка хорошенький, похожий на отца.

⁹⁸ «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя – двухтомный сборник рассказов Н. В. Гоголя, вышел в 1831–1832 гг.

⁹⁹ Глечик – глиняный кувшин по-украински.

¹⁰⁰ Лисицкий – Владимир.

Мухин¹⁰¹, несомненно, самый интересный в полку, большой рыболов и все свободное время проводит с удочкой. Напротив нас в хате живет наш комиссар Фомин¹⁰² с женой и двумя мальчиками. Жена Фомина Гликерия Ивановна, славная простая женщина, бывает у нас каждый день и находит, что с нашим приездом стало много веселее; а ее муж Григорий Михайлович, типичный украинец с большими черными глазами, сильный, высокий, ленивый в движениях, тоже заявил, что с нами много веселее, чем с женами командиров, и что поэтому он присоединяется к нам. На берегу Днепра стоят привязанные большие «дубы», раскачиваясь на воде, и мы, подостлав коврик, лежим в лодке, читаем или разговариваем о чем-нибудь, прислушиваясь, как шумит вода, ударяясь о дно лодки. Обычно Днепр бывает спокоен, тих, и в его глади, как в зеркале, отражаются зеленые берега. По вечерам, когда гаснет вечерняя заря, по Днепру тихо скользят лодки и волны отливают серебром. Но бывают дни, когда Днепр меняется. Он становится свинцовым, а быстрые волны, набегая одна на другую, с шумом бьются о берег. С криком над водой носятся чайки, и к воде все ниже гнутся ветви зеленых верб.

26 июня. В ночь под Ивана Купала¹⁰³ мы решили на острове жечь костры и плести венки. Фомины и Сергеевы (папин завхоз) присоединились к нам. Когда настал вечер, Фомины взяли большую лодку, Сергеевы тоже, и мы, немного покатавшись по Днепру, переехали на остров. С нами были Боря и Алеша. Ночь была темная, но звездная, все небо было украшено яркими мигающими звездами, которые горели в темном небе разноцветными огнями. Катя, я и мальчики, углубясь в кустарник, искали сухие ветки для костра, а когда ярко разгорелся костер, мы с Катей рвали цветы и плели себе венки на голову. В эту темную ночь густые ветки деревьев и кустов были причудливо странными. На большой поляне цвели ярко-желтые цветы, похожие на золотые звезды. Мы таких раньше не встречали, и они нам казались таинственными цветами, цветущими только ночью. На берегу, разгораясь, пылал большой костер, и алые отсветы пламени дрожали на бледной листве низко склонившихся к воде ив. Красным светом костер озарял вокруг темноту, но там, куда этот свет не проникал, было еще темнее.

В эту ночь, полную старых легенд, невольно думалось, что там, далеко, в сумраке таилось что-то настороженно непонятное, неясное, пугливо смотрящее из темноты большими загадочными глазами, а заколдованные цветы медленно раскрывали свои венчики и пряно пахли. Из воды по временам будто светились зеленые манящие глаза русалок. Они молчаливо всплывали, едва плеснув, из темного спокойного Днепра, качаясь на ветках прибрежных ив, таких же бледных, как длинные зеленые русалочьи косы. Но когда я приближалась к горящему костру, к людям, сидящим у костра, все призрачное, сказочное исчезало. Катя и я в венках из цветов были сами похожи на русалок, прячась в ветвях или бегая по лугу с мальчиками, которые нас догоняли и искали. Нам было весело прятаться в зелени, перекликаясь, и тихо, неслышно скользить между стволами деревьев, растворяясь в темноте. Когда костер догорал, мы прыгали через потухающий огонь. Фомин был очень весел, все время шутил, смеялся, бегал с нами, и больше всех оказывал внимание Кате. Прыгая через костер, он предлагал целоваться, как это принято в украинских деревнях, но мы это отклонили. Сидя на берегу Днепра и глядя на блестящую, бегущую по воде дорожку, мы, сняв венки, бросали их в воду, следя, как темная вода их далеко уносила. Сергеев¹⁰⁴ ухаживал за мной, называл меня «ясной звездочкой», а Катя совсем очаровала Фомина в эту сказочную ночь, и он не спускал с нее глаз.

29 июня. Сегодня папа приехал к обеду, и не один, а с Лисицким. Снова Лисицкий был весел, с нами шутил и, выпив за обедом крепкого сладкого меда, беспричинно много смеялся. После обеда, когда жара начала спадать, Лисицкий предложил мне покататься верхом. Когда

¹⁰¹ Мухин – помощник командира полка П. И. Знамеровского.

¹⁰² Фомин – Григорий Михайлович, комиссар полка, которым командовал П. И. Знамеровский.

¹⁰³ Иван Купала – также Иван Купало, народный восточнославянский праздник, отмечается в ночь на 7 июля (24 июня по старому стилю), по христианскому церковному календарю это день Рождества Иоанна Предтечи (Крестителя).

¹⁰⁴ Сергеев – завхоз в полку П. И. Знамеровского.

привели лошадей, он посадил меня на лошадь, и мы поехали. Вначале Лисицкий отнесся недоверчиво к моему умению и слегка подсмеивался надо мной, но, когда мы с ним проехали 8 км, он был удивлен и восхищен моим умением сидеть в седле. Мы крупной рысью и галопом неслись по дороге среди полей по направлению к лагерю. Ветер развеивал волосы и приятно освежал. Въехав в небольшой лесок, мы пустили лошадей шагом среди лесной дороги. В лесу было тихо, пахло сосной, попадались небольшие рожицы белых берез. Где-то высоко в ветвях куковала кукушка. Наши лошади шли рядом, и мы разговаривали. Он мне рассказывал об охоте и предложил как-нибудь пойти с ним на перепелов. Я сказала, что люблю лес и хотела бы попасть на настоящую серьезную охоту. Как все охотники, он любит природу и чувствует ее красоту.

Но вот лес сменился полями, во ржи кричали перепела, а солнце все ниже клонилось к закату, и чувствовалась наступающая вечерняя свежесть. Мы поехали опять рысью. Потом, спустившись к Днепру, перешли на шаг и медленно ехали по песчаному склону вдоль берега. То выше, то ниже брели наши лошади среди песчаных холмов, а внизу искрился Днепр, и заходящее солнце розоватыми отблесками играло в воде. Домой вернулись, когда совсем стемнело, и застали там гостей. «Большое спасибо за удовольствие, которое я получил от поездки с вами, – сказал Лисицкий. – Я не предполагал, что вы так хорошо ездите и такая интересная собеседница, а главное, так любите природу». Мы присоединились к гостям и, напившись чаю, решили покататься на лодке при луне. На Днепре было тихо, от луны бежала по воде серебряная дорожка. Мы разместились на двух лодках, которые плавно скользили по реке. Жена командира дивизиона Гордейко пробовала петь. Мы смеялись над остротами Гордейко. Он неинтересный по наружности, но достаточно остроумный, и язык у него ядовитый. Вечером я втайне грустила опять и опять думала о Павлуше. Мне кажется, что его увлечение Катей не серьезно. Но, может быть, это только пустая надежда?

6 июля. Дни стоят солнечные, но очень ветреные. По целым дням я, Катя и мальчики гуляем, выискивая каждый раз новые места. Купаемся в Днепре, загораем, спим и ничего не делаем, только много читаем. За это время мы стали бронзовыми от загара и с нас несколько раз сходила кожа, сожженная солнцем. Часто вчетвером переезжаем на песчаный остров, в глубине которого растет много красных гвоздик и крупные ромашки. Мальчики ловят удочками рыбу, которой здесь порядочно, а мы с Катей лежим в густой траве или собираем большие букеты цветов, плетя себе на голову венки. Надышавшись чистым воздухом, опьяненные степными ароматами, мы, лежа в траве, в тени густых деревьев, засыпаем. Все заметно поправились, особенно Алеша. Он приехал худой, бледный, а теперь его не узнать. Разленились мы здесь очень.

Сегодня к вечеру погода начала портиться, подул порывистый ветер, довольно прохладный, и мы не купались. На Днепре были волны, они сильно раскачивали на берегу привязанные лодки.

За эти дни мы осмотрели, гуляя с Борей и Алешей, почти все окрестности в этих местах, которые красивы, особенно по берегу Днепра. Вчера с утра мы решили пойти берегом к песчаным большим горам. Мы шли долго, дюны сменялись зарослями лозы, и снова начинались чистые пушистые пески на берегу. На некоторых песчаных холмах растут темно-зеленые сосны с ярко-красными стволами. Иногда они так занесены песком, что торчат только верхушки. Мы шли у самого берега реки, и волны с шумом обдавали нас белой пеной, смачивая наши босые ноги. Чем дальше мы шли, тем ближе к нам придвигался высокий правый берег Днепра, и вскоре мы вышли на главное русло реки. Здесь Днепр очень широк. Сильный ветер гнал высокие волны, и они с силой ударялись о берег, а их верхушки сверкали на солнце, и между ними пропасти были темно-синие, временами даже свинцовые. Над водой кружились белые чайки, вдалеке в волнах ныряла парусная лодка. А Днепр шумел, искрясь на солнце. Мы вошли в воду и шли по воде. Было приятно следить за набегающей волной, перепрыгивая ее, ощущая

ее ласку. Обрато мы возвращались не берегом реки, а поверху, идя по высоким песчаным дюнам. Идти было труднее, и все решили спуститься к берегу, а я одна пошла по горам. Мне хотелось посмотреть новую дорогу. Я шла белыми песками, где не было следов человеческих ног, иногда среди высоких сосен. Слева все время открывался прекрасный вид на волнующийся Днепр. Песчаные горы то поднимались, то опускались; внизу, справа, виднелся лесок. Горячий песок временами обжигал мне ноги, и, наконец, я взобралась на самую высокую гору и там остановилась. Гора была вся из чистого белого песка, и на ней ничего не росло, а внизу расстилался чудесный вид: с одной стороны вдаль был виден зеленый лес, а с другой – в глубине лугов – сверкало серебристой рябью озеро, поросшее камышами, и в нем плавали белые лилии и желтые кувшинки. На зеленом луговом ковре паслись стада коров, и пастух играл в рожок. Я села на краю обрыва и смотрела, любясь видом внизу. По склонам горы приютились белые хатки украинской деревни, утопая в зелени садов и цветов. Я посмотрела на другую сторону горы, и предо мною появились Днепр и зеленый остров. Я спустилась с горы и долго шла сосновым лесом, потом лиственным, никого не встречая по дороге, и только большие пестрые птицы перелетали с ветки на ветку, да где-то стучал дятел. В одном месте заяц перебежал мне дорогу. Идя, я вслушивалась в разнообразные птичьи голоса, медленно двигаясь вперед. Домой я пришла позднее остальных, усталая, но довольная своими впечатлениями. Когда я рассказала обо всем, что видела, Боре, Кате и Алеше, они пожалели, что не пошли со мной.

8 июля. Жаркий день. Мы с утра побежали к Днепру купаться, а после завтрака, выпив чаю, пошли по дороге к лагерю. В поле, среди высокой желтеющей ржи, мы с Катей рвали васильки, и Боря с Алешей нам помогали их рвать; потом, сев на траву, мы плели венки. Отдохнув, пошли дальше и дошли до болот, где росли голубые незабудки. На лугах, встречных лужайках пестрел ковер полевых цветов: мы их собирали в большие букеты. Завтракали в лесочке под большой развесистой сосной и к вечеру вернулись домой, немного усталые, но довольные своей прогулкой. Кате и Алеше у нас очень нравится, они говорят, что никогда так хорошо не проводили лето в Детском.

10 июля. Сегодня был особенно жаркий день. Все движения сковывала жара, и ни о чем не хотелось думать, даже книга валилась из рук. Мы несколько раз бегали к Днепру купаться, погружая разгоряченные тела в струи воды, но вода была теплая и освежала нас ненадолго. Всюду было томительно душно, и мы не находили себе места, ища прохлады, и ждали наступления вечера. Когда, наконец, пришел желанный вечер, из-за Днепра поползли свинцовые тучи и покрыли все небо. Вдали гремел гром, и в небе сверкали частые молнии. Гроза приближалась. Мы побежали на берег Днепра. Одна половина реки, там, где туча закрыла солнце, была бледно-розового цвета, и в этом месте и небо было розовое; временами сквозь темную тучу пробивался солнечный луч и окрашивал природу самыми причудливыми тонами. Другая половина Днепра была темно-голубого цвета, вода и небо вдаль сливались в серо-голубой дымке. Вода отражала, как в зеркале, все оттенки неба, по временам меняя цвета и тона, и это было необычно. Я не знала, теряясь, где сочетание оттенков было красивее. Постепенно все больше темнело, а в небе ослепительней вспыхивали зигзаги молний, прорезая тучи от середины неба до самой земли. Свет молний был так ярк, что невольно дрожали ресницы, а страшные удары грома потрясали небо и землю. Когда застучали частые, крупные капли дождя, мы побежали домой мокрые, шлепая босыми ногами по большим лужам. А непрерывные молнии озаряли небо, и сердито гремел гром. Мое сердце билось сильнее, казалось, что золотые стрелы молнии обжигают меня своим огнем, и я всем сердцем рвалась навстречу бушующей грозе. К ночи гроза утихла, и только капли дождя продолжали стучать по зеленым листьям.

11 июля. Мы решили сегодня устроить маскарад. Катя одела мамино длинное платье, сделала прическу, а я одела Борин костюм и в длинных брюках была похожа на молодого человека. Боря и Алеша одели наши платья, шляпы и стали хорошенькими девочками, на которых без смеха невозможно было смотреть, особенно на их походку и движения. В таком виде мы

решили погулять по селу и навестить наших знакомых. Впереди шли за руку две девочки, а я вела под руку Катю, с папирской во рту, занимая ее разговорами. Моя дама была не только мила, но очень хороша в мамином платье, которое к ней шло, и я любовалась ею. Девочки же, идущие впереди, были бесподобны: все время ссорясь между собой и о чем-то споря, они махали руками, толкая друг друга. И, глядя на них, не смеяться было невозможно. Деревенские женщины, встречаясь с нами, изумленно смотрели нам вслед, о чем-то перешептываясь, а девчата выскакивали из ворот и провожали нас долгим любопытным взглядом. Чем дальше мы шли, тем больше нас окружала толпа ребятишек, которые следовали за нами. Когда мы приходили к знакомым, они сразу нас не узнавали и встречали с недоумением, а когда узнавали, то поднимался страшный смех.

После обеда пришла Фомина и позвала нас с мамой пойти в лагерь. С нами пошли супруги Гордейко. Мы с Катей одели свои лучшие платья, а светлые туфли несли в руках. Шли мы самой кратчайшей дорогой. Чета Гордейко – забавная пара, к тому же они всегда ссорятся друг с другом, говоря колкости и не оставаясь в долгу друг у друга. Сам бы Гордейко был не прочь поухаживать слегка за нами и весело с нами посмеяться, но жена достаточно ревнива, и за это ему бы хорошо влетело; на всякий случай он осторожен. Всю дорогу они без конца ссорились из-за всякого пустяка, перебрасываясь соответствующими комплиментами, и мы, смотря на них, не могли не посмеяться. Елена Михайловна заставляла мужа нести на руках маленького сына, и они об этом долго спорили. Около одного небольшого болота мы застряли. Через ручей было переброшено два тонких деревца, по которым все благополучно перешли на другую сторону. Но Елена Михайловна запротестовала, боясь дальше идти, и они снова начали спорить, а мы, слушая, как Гордейко изощрается в своем остроумии, высмеивая собственную жену, хохотали. Наконец он нашел два дерева, с трудом свалил их в воду, и Елена Михайловна перебралась на нашу сторону. Дальше мы пошли по сокращенной дороге, ведущей к лагерю, но никто точно не знал ее, кроме Фоминой. Однако, пока мы возились с переправой, Фомина далеко ушла от нас, и мы пошли наугад. Гордейко продолжал нести на плечах своего сына, который всю дорогу кричал «хочу к маме», а папа его утешал: «Не плачь, твоя мама никуда не денется, она не пропадет, а если бы и пропала, то плакать не будем, другую найдем получше». Подошли снова к болоту, в котором много гадюк, и долго спорили, пока уговорили Елену Михайловну, не боясь, перейти по бревнам, брошенным через топкие места. Перед самым лагерем мы в ручье вымыли ноги, одели чулки и туфли. В лагере нас встретил Фомин и повел в столовую, по дороге показав папину палатку. Лагерь мне понравился. Он в лесу, всюду чистота, среди густой зелени деревьев белыми пятнами мелькают палатки. Ровные, усыпанные желтым песком дорожки, клумбы с цветами, красивый ленинский уголок в сквозной беседке с резьбой и вокруг посаженными цветами. К нам подошел папа, и мы пошли на коновязь посмотреть папину лошадь Пьеро. На ней ездил наш наездник всеми аллюрами и даже скакал через барьер. Папа осенью обещал мне дать на Пьеро покататься. В столовой мы с папой и Фоминым обедали, а потом сидели у папы в его палатке и поиграли в крокет. Домой возвращались вечером в повозке вместе с Лисицким и командиром Жаровым. По дороге к дому встретили жену Жарова, она шла его встречать. Мы ее посадили в повозку и познакомились с ней. Ее зовут Шурой, ей 18 лет, она приехала из Ленинграда, славная, и совсем девочка. Жаров женат на ней в третий раз. Мама с Фоминым приехали домой раньше нас в экипаже.

Вечером, когда было совсем темно, к нам пришла Сергеева¹⁰⁵ в украинском костюме, и мы ее вначале не узнали. Катя тоже достала украинский костюм у дочери нашей хозяйки, одела его, и он очень к ней шел. Я одела Борин костюм, и мы пошли по дороге встречать папу, который должен был ехать из лагеря. Ночь была светлая, лунная. Вскоре появился экипаж, и, когда он поравнялся с нами, Сергеева крикнула: «Товарищи, пидвезить нас трохи до хаты, бо

¹⁰⁵ Сергеева – жена завхоза.

мы дуже заморились». Папа сказал: «Наверно, это пьяные бабы, оттого они такие смелые», – а ехавший с ним Фомин крикнул: «Сидайте, дивчата, мы добре подвезем». Катя засмеялась. «А вот почему Боря с ними здесь?» – сказал папа, приняв меня за Борю. Мы пошли, смеясь, дальше, а они, ничего не поняв, поехали домой. Приехав, папа спросил маму: «А где твои дети?» – «Как где? Гуляют, конечно», – ответила мама. – «Хорошо гуляют, шлятся по селу с пьяными бабами, я их сейчас видел. Они приставали к нам, чтоб мы их подвезли». Мама засмеялась и объяснила, что никаких там пьяных не было, что там все свои. Когда мы вернулись домой, у нас сидел Фомин и хохотал, смотря на нас. Весь вечер он любовался Катей, которая была хорошенькой украинкой в этот вечер. Под конец он заявил: «Эх, жаль, что у меня нет украинского костюма, я бы его сейчас одел и пошел с Катюшей добре гулять».

13 июля. 12 июля праздновали именины папы. Погода в этот день была чудная, день был жаркий, и мы с утра, взяв большую лодку, поехали на остров купаться. К обеду к нам с папой из лагеря приехал Виктор Захарьевич Малыхин¹⁰⁶, начальник штаба папиного полка, а позднее Жуков, командир батареи, молодой, веселый, симпатичный. Жена его с детьми была на курорте. Во время Гражданской войны она командовала эскадрой, была контужена в голову, получила орден Красного Знамени и пожизненную пенсию. Это женщина хрупкая и женственная; не верилось, что она такая смелая, мужественная, с большим волевым характером. Я ее видела, когда была в Днепропетровске, и она мне понравилась. За обедом, как всегда, пили мед, было оживленно и весело, был хороший обед с вкусным маминым пирогом и подарками от нас. К вечернему чаю пришли Сергеевы, Фомины, Гордейко, Мухины. Чай пили и ели мороженое, которое мы сами по очереди крутили. После чая Сергеев предложил покататься на лодке и с Борей пошел за веслами. Жуков взял меня под руку, и мы пошли к берегу. Катя шла с Фоминым и Гордейко, весело смеясь. Вечер был тихий, ясный. К берегу подъехали две лодки, в которых мы разместились. Я ехала в лодке с Борей, Алешей и Жуковым, а Катя – с Сергеевыми. Фомин и Гордейко с нами не поехали. Гордейко заявил, что обязанности отца и мужа ему не разрешают ехать, и вернулся к жене. Наши лодки медленно скользили по спокойной серебрястой глади реки. На западе угасала красная полоса заката, на фоне которой чернели силуэты темных деревьев и на горе крылатая мельница. Когда угасла розовая полоска и мрак окутал небо и землю темным покровом, в небе заблестел серебряный месяц и вспыхнули огоньками звезды. По воде пробежала блестящая дорожка. Два весла медленно опускались и поднимались, и маленькие капельки воды, искрясь, стекали с весел. Все дальше от нас уплывал зеленый берег. Было приятно скользить по Днепру, смотря в звездное небо, отыскивая любимые созвездия, наслаждаясь полной тишиной и покоем угасавшего дня. Я расспрашивала Жукова о его жене, о Гражданской войне, и он много мне рассказал интересного. Когда мы вернулись домой, гостей уже не было. Жукову подали верховую лошадь, и он уехал в лагерь. Прощаясь, он приглашал нас чаще приходить в лагерь и шутил, обещая нас познакомить с молодыми, интересными, холостыми командирами, чтобы нам веселее было гулять по лугам и полям. В этот вечер Жуков снимал несколько раз меня и Катю и обещал привезти нам карточки. Мухин был красив в белом штатском костюме. Белая рубашка красиво оттеняла его загорелое лицо и голову с блестящими, черными, гладко зачесанными волосами; я втихомолку любовалась им, но я не раз замечала, что он и сам знает, что он достаточно красив, чтобы им можно было любоваться. Это чувствовалось в его движениях, проскальзывало во взгляде красивых голубых глаз.

15 июля. Мама и Фомина лечат зубы и ездят к зубному врачу в Старое. Мы с Катей уговорили маму взять нас с собой. Так как в экипаже места было мало, то Катя ехала на козлах, и временами по хорошей дороге красноармеец Кравчук давал ей вожжи и она правила парой лошадей, а обратно на козлах ехала я. Кравчук – украинец, и мы с ним всю дорогу балакали

¹⁰⁶ Виктор Захарьевич Малыхин – правильно «Захарович» (1893–1981?); впоследствии генерал-майор артиллерии.

по-украински. Мы проезжали Святое озеро, в густом лиственном лесу. Оно большое, красиво расположенное среди развесистых старых деревьев, которые купают в нем мохнатые зеленые ветви, отражаясь как в зеркале, а на его поверхности растут нежные белые лилии, и чашечки их цветов тихо покоятся на широких зеленых листьях. В этом озере много водится раков и змей. Дальше начинается сосновый лес, в котором приятно пахнет хвоей, и весь он чистенький, усыпанный зеленовато-желтой хвоей. Мы видели совсем близко убегающего зайца, и пушистая белочка с пушистым хвостом перебежала по ветвям. В таком лесу в жаркий день дышится особенно хорошо. Наши лошади бежали мелкой рысцой, и жара почти не чувствовалась. По дороге мы заехали на хутор, где росло много вишен, и мы купили их на варенье, а дорогой утоляли жажду сочной ягодой. Домой вернулись к обеду, довольные своей поездкой. Боря на нас ворчал, что мы долго ездили, что без нас ему с Алешей было скучно. Это время я довольно часто каталась верхом на лошади Мухина «Лебеда»¹⁰⁷ с его ординарцем Пикусом.

20 июля. В лагерь сегодня прибыл командующий войсками Украины. Об этом мы узнали случайно, когда, придя на берег Днепра, увидели моторную лодку, в которой он приехал. Мы сели в лодку на берегу и решили наблюдать, что будет дальше. Спустя некоторое время мы увидели на Днепре вдаль плывущий пароход, который быстро приближался к нам. Когда он был совсем близко от берега, матрос с помощью шеста выпрыгнул на берег и перебросил мостик, по которому сошел на берег капитан парохода. Оказалось, что по дороге моторная лодка села на мель и этот пароход вышел ей на помощь, но лодка справилась сама благополучно без помощи. Матросов на пароходе было мало, но они все были рослые, загорелые, чернобровые украинцы. Мне особенно понравился кочегар, выпачканный сажей, веселый, белозубый, смеющийся. После обеда, чтобы чувствовать себя свободней, мы с Катей одели украинские костюмы и, превратившись в «девчат», пришли на берег. Красноармейцы моторной лодки нас не узнали и, приняв за настоящих «девчат», усиленно нас звали покататься на лодке, перебрасываясь с нами украинскими словами. Когда они, наконец, догадались о нашем маскараде, то посмеялись и говорили, что мы «таки дуже гарны девчата». Вскоре пароход отплыл, а мы покачались на волнах от плывущего парохода на моторной лодке. Боря с Алешей побывали на пароходе.

Когда начало темнеть, на берегу показалось много экипажей и военных. Многие из них подошли к моторной лодке, а многие начали садиться в нее. В каюте зажглось электричество и все и всех осветило внутри. Мы с Катей, воспользовавшись тем, что были одеты украинками, не стеснясь, заглядывали в освещенные окна лодки. Я видела много знакомых из начальствующего состава, которые, приезжая в наш полк, не раз останавливались у нас. Наконец, лодка дала свисток, мотор зашумел и катер плавно понесся, рассекая воду и поднимая белую клубящуюся пену. Мы пошли домой. По дороге нас нагнал экипаж и красноармеец, задерживая лошадей, крикнул нам: «Яки гарны дивчата! Сидайте, я пидвизу до хаты». – «Та ни, вже темно, треба до дому, дякую», – ответила я. Он возражал, но когда я увидела ехавший экипаж папы и услышала новое предложение «пидвезти до хаты», я сказала: «Добре, пидвезить трохи, дуже заморились. Катря, сидай!» Экипаж остановился, мы сели и поехали домой. Всю дорогу мы смеялись с Посмитным¹⁰⁸, который вначале нас не узнал.

22 июля. Вчера мы все ездили в Гусеницы¹⁰⁹ на призовую стрельбу. Выехали мы из дома рано утром, слегка моросил мелкий дождик, но было тепло. Папа из-за погоды не хотел было нас брать, но мы запротестовали. Все мы ехали на парной повозке, в которой было много сена, а сверху мама постлала рядно. Мухин и папа ехали с нами верхом. Я ехала в мужском костюме,

¹⁰⁷ «Лебеда» – в конном деле клички лошадей принято писать в кавычках; автор иногда применяет такое написание.

¹⁰⁸ **Посмитный** – красноармеец-ездовой.

¹⁰⁹ **Гусеницы** – автор называет так село Гусинцы; располагалось на левом берегу Днепра напротив Ржищева (Бориспольский район Киевской области), в 1970-е годы затоплено при строительстве водохранилища Каневской ГЭС, от села остался лишь островок, занимаемый Преображенской церковью.

спрятав платье в чемодан. Когда мы проехали деревню Кальное¹¹⁰, выехали за село, миновав болота, и въехали в сосновый лес, папа слез с лошади и пересел в повозку, а я поехала верхом на его лошади Нероне. Ко мне подъехал Мухин, и мы помчались крупной рысью вперед. Позади нас ехали ординарцы. Мы быстро обгоняли встречные повозки и долгое время ехали по смешанному лесу. Дождик давно прекратился, и утреннее солнце, выглянув, озолотило верхушки деревьев, но его лучи еще не проникали сквозь густые ветки, и в лесу было много тенистых уголков, в листве которых, не смолкая, пели птицы. Утренний холодок был приятен, и воздух особенно чист. С каждой минутой все выше поднималось солнце, разгораясь все ярче, и заливало светом радостно проснувшуюся природу, лаская ее теплотой. Но вот утренняя прохлада сменилась настоящим приятным теплом летнего дня, и день обещал быть жарким. Дорога была красива. На поверхности тихих, неподвижных болот, мимо которых мы проезжали, росли нежные, крупные цветы белых лилий, задумчивых и бледных. Болота были окружены лесом, иногда лес рос в самом болоте, и деревья отражались в воде. Появились болота, поросшие кустарником, который постепенно переходил в густой зеленый лес, где стояли тонкие белоствольные березы с узорчатой листвой и росли молодые крепкие дубки. Дальше мы проезжали сказочный лес, в котором деревья росли в зеркальной воде, отражавшей все сплетения веток, а в просветах в воду смотрелось голубое небо. Так четко и ясно было отражение, что, казалось, лес растет без корней своими верхушками, опрокинутыми в воду. В этом лесу было много необыкновенного, и меня влекло вглубь неподвижных вод, где, казалось, таятся призрачные тени, полные чудес. Я думала, как было бы интересно очутиться здесь ночью, когда луна освещает все серебристым светом, и холодные лучи скользят среди темных деревьев, дрожа в воде, и небо усеяно звездами, и каждое упавшее дерево или могучие корни пней приобретают причудливые формы.

¹¹⁰ **Кальное** – село, находившееся в Бориспольском районе Киевской области; затоплено водами Каневского водохранилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.